



**Э.В. Демин**  
**А.А. Поздняков**

# **Баргузин** **исторический**



**правда всегда одна...**

*Позднее К. Абсиди  
Баргузин*

Александр Поздняков

**Баргузин исторический.  
Правда всегда одна...**

«Издательские решения»

**Поздняков А. А.**

Баргузин исторический. Правда всегда одна... /  
А. А. Поздняков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-594916-5

Книгу составляют три больших, связанных обстоятельствами, очерка, посвященных баргузинским историческим персоналиям. Главными героями этих очерков являются политические ссыльные декабристы братья В. К. и М. К. Кюхельбекеры и народоволец А. Н. Зайднер. Очень непростые обстоятельства их баргузинской жизни, смерти Михаила Кюхельбекера и Александра Зайднера, сохранения памяти об этом рассматриваются в книге впервые на основе большого количества печатных и архивных источников,

ISBN 978-5-00-594916-5

© Поздняков А. А.  
© Издательские решения

## Содержание

Предисловие авторов	7
Гой еси – жив будь Баргузин исторический...	8
Политический ссыльный, поэт Александр Зайднер	11
Записи 1980-х гг. баргузинских старожилов Э. В. Деминым	19
Лебединая песня Зайднера – Баргузинская общественная библиотека	32
Что-то с памятью стало, баргузинской...	38
Утраченная селитьба	40
Живёт и будет жить память...	41
Дом Токаревых – первый приют Михаила Кюхельбекера	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

# Баргузин исторический Правда всегда одна...

**Александр Александрович Поздняков**  
**Эдуард Викторович Демин**

© Александр Александрович Поздняков, 2023

© Эдуард Викторович Демин, 2023

ISBN 978-5-0059-4916-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Авторы этой книги далеко не случайные в баргузинских исторических темах люди.

Известный краевед Бурятии Э. В. Демин много лет по разным историческим источникам и на местности изучает историко-культурное прошлое Баргузина, опубликовал о нём книгу и много отдельных очерков. Баргузинский краевед А. А. Поздняков, будучи активным собирателем разного рода документальных источников по истории Баргузина, основал и ведёт весьма популярный и посещаемый сетевой сайт «История Баргузина без фальсификаций». Каждому из них есть что рассказать читателям, а «горячие» баргузинские темы подвигли их к сотрудничеству, результатом которого стала эта книга. В том, что это соавторство оказалось весьма плодотворным читатели могут убедиться с первых её страниц.

Книгу составляют три больших, связанных обстоятельствами, очерка, посвященных баргузинским историческим персоналиям. Главными героями этих очерков являются политические ссыльные декабристы братья В.К. и М. К. Кюхельбекеры и народоволец А. Н. Зайднер. Очень непростые обстоятельства их баргузинской жизни, смерти Михаила Кюхельбекера и Александра Зайднера, сохранения памяти об этом рассматриваются в книге впервые на основе большого количества печатных и архивных источников, изустных рассказов старожил и очевидцев.

Открывает книгу очерк о ссыльном, поэте Александре Зайднере в современное время незаслуженно забытом, лишенным собственных стихов и даже могилы. Забыты его общественные заслуги – стихотворная критика местных чиновников и основание баргузинской общественной библиотеки. Его стихи и могила приписаны венгерскому поэту Шандору Петефи для обоснования пребывания и смерти последнего в Баргузине.

Второй очерк посвящен селитьбе братьев Кюхельбекеров, состоявшей из четырёх домов, из которых три они строили сами. В нём рассмотрены забытые очень непростые обстоятельства личной жизни, смерти и похорон Михаила Кюхельбекера.

В третьем очерке подробно рассматривается история могилы Михаила Кюхельбекера и памятников на ней. Делается это в контексте с разных лет раскопками могил на местном кладбище, из которых варварское массовое гробокопание, велось в июле 1989 г. под предлогом поиска могилы Шандора Петефи, которой здесь никогда не было, как и его пребывания в Баргузине. При этом две вскрытые, рядом расположенные, могилы в другой части кладбища были объявлены «могилами» Шандора Петефи и Михаила Кюхельбекера. Дается научно-краеведческая и морально-этическая оценка этого кощунства, рассказывается о его последствиях.

К бесспорным достоинствам книги относится большое количество иллюстраций в виде уникальных, в том числе, прошлых и редких современных фотографий, немалая часть которых сделана самими авторами.

Особой ценностью книги является обширная библиография печатных и письменных источников, значительная часть которых сегодня малоизвестна или называется впервые.

Основное содержание книги дополняет Приложение, состоящее из принципиально важных для содержания книги российских и зарубежных документов.

В общем читателей книги ожидает очень информативное и интересное погружение в мир малоизвестной, во многом вообще забытой истории Баргузина с перипетиями, требующими глубоких размышлений и оценок. Книга даст возможность обогатиться новыми знаниями и, благодаря исторически объективной, граждански честной позиции авторов, задуматься над нерешенными острыми проблемами сохранения памяти о прошлом.

Читайте эту книгу, убеждайтесь в том, что *историческая правда всегда одна...*

**Демин Э. В., Поздняков А. А., 2021**

## **Предисловие авторов**

## Гой еси – жив будь Баргузин исторический...

*Лишь истина скромна,  
Чтоб верили не тщится  
Неправда та шумна,  
Ей надобно божиться*

**Расул Гамзатов**

Древнейшее поселение Бурятии – острог, город, посёлок Баргузин имеет по своему уникальное историко-культурное наследие, к сожалению, пока ещё очень мало изученное, а в последние десятилетия в некоторой части конъюнктурно извращаемое. Даже многолетняя политическая ссылка в Баргузинскую долину представлена в прошлых и современных научных публикациях лишь общими сведениями, более подробно фрагментарно, по отдельным персоналиям.

Авторы этой книги много лет занимаются изучением прошлого Баргузина, в том числе ссылки сюда декабристов братьев В.К и М. К. Кюхельбекеров и последекабристской политической ссылки. Стать соавторами книги их подвигло прежде всего общее стремление всегда быть на стороне исторической правды, без поиска которой настоящее краеведение не мыслится...

Житель г. Улан-Удэ Э. В. Демин более 30 лет по разным историческим источникам и на баргузинской местности изучает историко-культурное прошлое Баргузина, опубликовал о нём книгу<sup>1</sup> и много отдельных очерков<sup>2</sup>, в том числе по темам этой книги, которым посвящена и упомянутая его книга.

В 1980-1990-х гг. Демин был соавтором и ведущим (вместе с соавтором и режиссером, журналистом О. Я. Кожевниковой) популярной программы бурятского телевидения «Ваше мнение», посвященной проблемам историко-культурного наследия Бурятии, несколько передач которой было по Баргузину историческому. Как член Президиума Бурятского отделения ВООПиК и главный краеведческий оппонент научно необоснованных, незаконных и аморальных раскопок на историческом кладбище Баргузина, был членом советско-венгерской комиссии (г. Москва) 1990 г., признавшей выкопанный скелет женским.

Баргузинец А. А. Поздняков, будучи активным собирателем разного рода документальных источников по истории Баргузина, основал и ведёт весьма популярный и посещаемый сетевой сайт «История Баргузина без фальсификаций», готовит и публикует очерки<sup>1</sup> по историческому прошлому Баргузинской долины. Поздняков был активным оппонентом массовых варварских раскопок на баргузинском историческом кладбище и является одним из тех, кто считает необходимым безусловное скорейшее возвращение выкопанных на нём женских останков на их «родное» место.

Каждому из авторов есть что рассказать своим читателям, а «горячие» баргузинские темы сделали необходимым объединение их историко-краеведческих по ним материалов.

Нашу книгу составляют три больших, связанных разными обстоятельствами, очерка, посвященных прежде всего баргузинским историческим персоналиям. Главными героями этих очерков являются политические ссыльные декабристы братья В.К. и М. К. Кюхельбекеры и народоволец А. Н. Зайднер. Очень непростые обстоятельства их баргузинской жизни, смерти Михаила Кюхельбекера и Александра Зайднера, сохранения памяти об этом рассматриваются в книге впервые на основе большого количества печатных и архивных источников, изустных рассказов старожилов и очевидцев. Через все очерки проходит «горячая» тема многострадального баргузинского исторического кладбища: малоизвестного «революционного» на нём первого и кощунственного второго гробокопаний; тайного, с детективными обстоятельствами тре-

тьего копания. Кладбищенский фантом «баргузинского Петефи» – ещё один из общих сюжетов очерков о Зайднере и могиле Кюхельбекера.

Открывает нашу книгу очерк о политическом ссыльном – народовольце, поэте Александре Николаевиче Зайднере в современное время незаслуженно забытом, лишенным собственных стихов и даже могилы. Надо сказать, что это не первое наше обращение к теме: в упомянутой книге Э.В. Демина 1993 г. «До и после «баргузинской сенсации» есть специальная глава «Зайднер – не Шандор!»<sup>1</sup>, в 2018 г. был ещё опубликован большой очерк за нашим соавторством «Баргузин: Политический ссыльный, поэт Александр Зайднер»<sup>2</sup>. В этом очерке мы пишем о том, что забыты общественные заслуги Зайднера – стихотворная критика местных чиновников и основание баргузинской общественной библиотеки, а его стихи и могила приписаны венгерскому поэту Шандору Петефи для обоснования пребывания и смерти последнего в Баргузине. На наших фотографиях показываем примерное место могилы Зайднера за пределами кладбища, указанное нам баргузинскими старожилками, назвавшими также место ещё одной одиночной безвестной могилы, о которой тоже приводим сведения.

Второй очерк посвящен в основном двум забытым и неизвестным сегодня значимым сторонам жизни декабристов братьев Кюхельбекеров в Баргузине: состоявшей из четырёх домов их селитьбе, из которых три они строили сами, в том числе атрибутированный нами дом, который купил недостроенным Вильгельм Кюхельбекер; очень непростых обстоятельствах семейной жизни, смерти и похорон Михаила Кюхельбекера. Этот очерк сопровождается уникальными теперь фотографиями всех этих домов, к сожалению, не сохранных. Рассказываем о том, как мучительно и подчас по конъюнктурным причинам исчезали эти дома, в то время когда их можно было спасти, называем их защитников и тех, кто способствовал их утрате.

В третьем очерке подробно рассматривается история могилы Михаила Кюхельбекера и памятников на ней. Делается это в контексте с разных лет раскопками могил на местном кладбище, из которых варварское массовое гробокопание, велось в июле 1989 г. под предлогом поиска могилы Шандора Петефи, которой здесь никогда не было, как и его пребывания в Баргузине. При этом две вскрытые, рядом расположенные, могилы в другой части кладбища были объявлены «могилами» Шандора Петефи и Михаила Кюхельбекера. Дается научно-краеведческая и морально-этическая оценка этого кощунства, рассказывается о его последствиях. В этом очерке особое внимание уделено «прибаргузинившемуся» на местном историческом кладбище фантому «сибирской могилы Петефи»... Довольно подробно, на основе современных административных баргузинских и республиканских правительственных документальных источников, а также достоверных неизвестных в Бурятии сведений из Венгрии, впервые рассматривается вопрос кто есть кто в истории с варварским гробокопанием и её последствиями<sup>1</sup>. Также впервые приводятся сведения о первой попытке возвращения баргузинских останков, признанных женскими, и о почти детективных обстоятельствах нынешнего их пребывания в Венгрии. Этот очерк особенно для тех, кто не потерял здравомыслия и нравственных начал в отношении к гробокопательской вакханалии на баргузинском кладбище в июле 1989 г. и её последствиям.

В общем же, следуя мысли известного швейцарско-французского философа Ж. Ж. Руссо, в представляемых в книге очерках наше дело было «сказать правду, а не заставлять верить в неё». Правда всегда одна... Верить или не верить в неё – на суд наших читателей...

*Улан-Удэ – Баргузин*

*Эдуард Демин*

*Александр Поздняков*

<sup>1</sup> Собрание всех основных документов и других материалов по этой теме, в том числе, аудиозаписей баргузинских старожилков и долгожителей, печатных, аудио- и видео материалов советско-венгерской комиссии, копий заключений экспертиз, проведённых учёными Вен-

герской академии наук, Пенсильванского университета и специалистами Пентагона, административных баргузинских и республиканских правительственных документальных источников и др. – архив Э. Д. Демина.

*Дискуссии вокруг полуфантастических гипотез и даже эксгумация ничего не прибавят, кроме значительной дозы вредного для подлинной науки информационного шума. Пафос добывания точных фактов нельзя подменить болтовнёй. Тема о баргузинских ссыльных интересна и перспективна, но и тут следует базироваться не на обывательских фантазиях, а на реальных и критически изученных документах и свидетельствах. Рассказы о декабристах уже давно во многом потеряли достоверность, особенно это касается семейных связей и так называемых потомков. В свое время немало измышлений и путаницы в это внесли Элиасов и Гуревич. Недаром М. К. Азадовский предостерегал...*

*Историкам известен народоволец Александр Николаевич Зайднер (1859—1891). В 1880—85 он был на Каре, потом поселён в Баргузине. Стихи его печатались в «Вост. обозрении», умер он в Чите. М. К. Азадовский не раз предостерегал от ссылок на домыслы, которыми учёные-фольклористы засоряли литературу...*

*Сведения о ссыльных, их смерти, женитьбе и прочие весьма тщательно регистрировались. А всяких Петровичей – легионы. Напомню, что могилу «Петефи» находили в Сивякове (около Читы), в Енисейске, а надписи середины прошлого века сохранились лишь на чугуне, которого в Баргузине не было (...). О том, что краеведению пора стать на уровень времени и не заполнять науку информационным шумом, думаю, все согласны. Ценз краеведа сейчас так низок, что следует подумать о критериях. Если человек нашел старую пуговицу или бивень мамонта, то это ещё не краеведение. Даже заведомого пьяницу не называют виноделом, несмотря на богатый его «багаж»...*

**Е. Д. Петряев, Из писем 1986 г. Э. В. Демину  
Баргузин исторический: Правда всегда одна...**

## Политический ссыльный, поэт Александр Зайднер забыт, лишен стихов и могилы

*Не говорите мне: «Он умер». Он живет!  
Пусть жертвенник разбит – огонь еще пылает,  
Пусть роза сорвана – она еще цветет,  
Пусть арфа сломана – аккорд еще рыдает!*  
С. Я. Надсон<sup>1</sup>

Как будет подтверждено далее, доподлинно устанавливается, что приведенные в эпиграфе, проникновенные, обращенные прямо к человеческому сердцу, стихи популярного в прошлом российского поэта С. Я. Надсона (1862—1887) были помещены на давно потерянной одиночной баргузинской могиле другого талантливого поэта...

В связи с этим сразу обратим внимание, что приведение далее фрагментов прошлых печатных первоисточников имеет принципиальное значение уже потому, что потеряна не только баргузинская могила поэта, но уже в современное время проявляют себя покушения на само его имя, стихи и память о нём...

Вот тоже доподлинное, прямо со страницы прошлого издания, стихотворение того, кто лежит в неизвестной теперь могиле, опубликованное в 1893 г. в газете «Восточное Обозрение»<sup>2</sup>...



«Восточное Обозрение» 1893 г.

Здесь ясно обозначено только место написания стихотворения – «Баргузин», а сам его автор скрыт за загадочными инициалами «А. З.», чему была особая причина – он был бесправный политический ссыльный... Личность автора стихотворения, тогдашний его статус и некоторые печатные источники сведений о нём ещё в 1981 г. раскрыл авторитетный забайкальский краевед Е. Д. Петряев (1913—1987) в своём биобиблиографическом указателе «Краеведы и литераторы Забайкалья»<sup>3</sup>, охватывающем дореволюционный период. Вот, тоже со страницы этого уникального издания, вид соответствующего извлечения:

209. ЗАЙДНЕР Александр Николаевич. 1859—1891 в Чите. Политический ссыльный [народоволец]. В 1880—1885 гг. был на Каре, поселен в Баргузине. Поэт.  
— Хоть крылья сломаны судьбою. — Вост. обозрение, 1893, № 32.  
О нем: Добромыслов Ал. Забытые могилы. — Заб. новь, 1913, прил. № 1689.  
Деятели рев. движения в России. 70-е гг. Т. 2, вып. 2, М., 1930, стб. 435.

В этих сведениях названо приведенное выше стихотворение и издание, в котором оно опубликовано, а главное – однозначно атрибутирован – назван его автор – ссыльный в Баргузин народоволец, поэт А. Н. Зайднер.

Приведём теперь краткую статью<sup>4</sup> о самом Зайднере с его фотографией 1880-х гг. из указанного здесь Петряевым источника – Био-библиографического словаря «Деятели революционного движения в России», охватывающего период «от предшественников декабристов до падения царизма» (Семидесятые годы), изданного в 1930 г. под эгидой «Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев». Вот её строки: «Зайд [е] нер Александр Николаевич, сын купца. Род. в 1859 г., в Мелитополе. Окончил реальн. уч.-ще в Николаеве. В 1878 г. принимал участие вместе с Виттенбергом и Свириденко в пропаганде среди матросов в Николаеве. Арестован 6 авг. 1878 г. в Николаеве и предан суду. Одеск. военно-окружн. судом приговорен 8 авг. 1879 г. к каторжным работам на 10 лет (дело 28-ми). Прибыл на каторгу в марте 1880 г.; по манифесту 1883 г. срок каторжн. работ сокращен на треть. В янв. 1885 г. выпущен в вольн. команду. В том же году **поселен в Баргузине... Умер в Чите в 1891 г.** [здесь и далее выделение. – *авт.*]».

**Загу[о]рская, Генриета Осиповна, дворянка.** Род. в Виленск. губ. ок. 1852 г. Привлечена к дознанию по делу о виленск. револ. кружке, обнаруженном в марте 1875 г. По выс. пов. дело о ней разрешено в администр. порядке после строгого внушения и с учреждением за ней надзора полиции. С авг. 1877 г. с разрешения III Отделения жила в Петербурге под надзором; в окт. 1879 г. получила разрешение поступить на Высш. женск. курсы. В ноябре т. г. ходатайствовала о снятии надзора. В нач. 1880-х г.г., проживая в Вильно, была близко знакома с сестрами Дырмонт, привлекавшимися по делу о социально-револ. пропаганде.

Справка (Г. Загурская).—Ведомость по Петерб. градоначальству (1877—1879).

**Зачневский, Петр Григорьевич.**  
См. «шестидесятые годы».

**Зайд[е]нер, Александр Николаевич, сын купца.** Род. в 1859 г. в Мелитополе. Окон-



А. Н. Зайднер.

С фотогр. 1880-х г.г.

Из собр. Муз. «Каторга и Смычка».

чил реальн. уч-ще в Николаеве. В 1878 г. принимал участие вместе с Виттенбергом и Свириденко в пропаганде среди матросов в Николаеве. Арестован 6 авг. 1878 г. в Николаеве и предан суду. Одесск. военно-окружн. судом приговорен 5 авг. 1879 г. к каторжн. работам на 10 лет (дело 28-ми). Прибыл на Кару в марте 1880 г.; по манифесту 1883 г. срок каторжн. работ сокращен на треть. В янв. 1885 г. выпущен в вольн. команду. В том же году поселен в Баргузине (Забайкальск. обл.). Умер в Чите в 1891 г.

Справки (Зачной, Р. Малкин, Подмогильный, Н. Шепанский).—Справ. листок.—Свод указаний (Ук.).—Бурцев, За сто лет, II, 100.—Хроника, 81.—Больш. энциклопедия, XXI.

Л. Дейч, Роль евреев в револ. движении (Ук.).—Его же, 16 лет в Сибири (Ук.).—Кара и другие тюрьмы, 105 сл. (С. Богданов, Смерть П. Г. Успенского); 244 (И. Жук-Жуковский, Мартиролог Нерчинск. каторги).—«Быль» 1906, IV, 84—85 (Стрельниковский процесс).—Г. Осмоловский, «Мин. Годы» 1908, VII, 132 (Карийцы).—А. Семенов, «Быль» XXXIV (1925), 65 (Соломон Виттенберг).—С. Ястремский, «Канд. Звон» I (1925), 17 (Кара).—А. Дрезен, «Кат. и Сс.» 1927, II (31), 63 сл. (Матросы в револуц. движении 70-х г.г.).—И. Белокопский, «Кат. и Сс.» 1927, II (31), 147 (К истории политич. смычки 80-х г.г.).

**Зайцев, Антон Петрович**—нелегалн. фамилия, под которой жил в Москве летом 1877 г. Ант. Серг. Карпов (см.).  
«Ист.-Рев. Сборник» III (1926) (Ук.) (Э. Корольчук, Из истории пропаганды среди рабочих).

**Зайцев, Григорий**—нелегалн. фамилия, под которой жил в 1875 г. в Туле Гр. Сидорацкий (см.).

Список псевдонимов.

**Зайцев, Иван Анисимович, малоярославск. мешанин.** В 1874 г. привлекался по делу о пропаганде в империи (193) вследствие близких сношений с Леон. В. Поповым. По недостатку улик освобожден от преследования.

Справки (И. Зайцев, Л. Попов).

**Зайцев, Петр Семенович, отст. унтер-офицер.** Жил в селе Невежине (Чембарск. у. Пензенск. губ.). Привлечен к дознанию, возникшему после обыска в питейном заведении в с. Невежине 28 марта 1876 г., по заявлению Дм. Никулина, по обвинению в чтении запрещен. книг, полученных от Елистр. Селиверстова. По выс. пов. 8 окт. 1876 г. дело о нем разрешено в администр. порядке с учреждением за ним, вследствие политич. неблагонадежности, надзора полиции.

Справки (П. Зайцев, Е. Селиверстов).—Доклады 1876, II, 282—285.—Справ. листок.

**Зайцев, Сидор, крестьянин дер. Дамищи (Царскосельск. у., Петерб. губ.), рабочий чугуно-плавильного завода Чикова.** Привлечен в апр. 1876 г. к дознанию по обвинению в чтении и распространении газеты «Работник», полученной им от Шилова. По выс. пов. 1 окт. 1876 г. дело о нем прекращено.

Справка (С. Зайцев).—Доклады 1876, II, 263—266.—Справ. листок.

**Зайцев, Трофим Ермолаевич, из госуд. крестьян с. Средн. Икорец (Бобровск. у., Воронежск. губ.).** Род. в 1851 (1846?) г. По профессии—сапожник. В 1870 г. поступил в Петербурге на службу в л.-гв. Московск. полк, где был полковым музыкантом. В нач. 1875 г. познакомился с Вяч. Дьяковым; бывал на даче Бабонина на Выборгской стороне; чинил сапоги рабочим и получал от Дьякова и Сирякова запрещ. сочинения, которые давал читать солдатам. Арестован 18 апр. 1875 г.; оказал содействие при задержании в казармах Диом. Александрова. Предан суду особ. прис. Сената по обвинению в недонесении о злоумышлен. распространении преступн. сочинений (дело Дьякова и Сирякова). 17 июля 1875 г. признан виновным и приговорен к лишению всех

К этой статье приложен обширный список прошлых публикаций (до 1927 г.) со сведениями о А. Н. Зайднере, который открывают статьи и книги бывшего политического ссыльного Л. Г. Дейча. Среди них, изданная в Женеве в 1905 г., книга «16 лет в Сибири»<sup>4а</sup>, в которой о Зайднере помещены такие сведения: «52) *Зайднер*, Александр, род. в 59 г. в Мелитополе, купеч. внук, еврей, воспит. в Никол. реальн. учил. (не к.), ар. в 78 г., одесск. военный суд (по делу Чубарова и др.) на 10 л., **прибыл в 80 г. в Забайкальску обл.**, по маниф. сбавлена треть, **устроил там публичн. библиотеку, умер там же в 92 г.**».

В той же библиографии назван очерк 1908 г. Г. Осмоловского «Карийцы (Материалы для статистики русского революционного движения)», в котором среди сведений о карийцах (политических ссыльных, отбывавших наказание на каторжной Каре в Забайкалье), есть и такие строки: «*Зайднер*, Ал-р Никол. *еврей*; внук купца, р. в 59 г. в Мелитополе Тавр. губ.; реальн. уч. в Николаеве (Херс. губ.); ар. впервые в 78 г., 18 лет; Од. в.-окр. суд. 22 июля – 5 авг. 79 г., по д. 28 (Чубаров, Лизогуб и др.); 10 л. каторги; приб. на Кару в марте 80 г.; по ман. 83 г. сбавлена 1/3 срока; в янв. 85 г. выш. в вол. ком.; в том же году **посел. в Баргузине Забайк. обл., где и умер в 91 г.**»<sup>5</sup>.

И ещё одна публикация из того же библиографического списка «Мартиролог Нерчинской каторги», опубликованный И. Жуковским-Жук в 1906 г., в котором о Зайднере указывается, что он «**Умер в Чите в 1891 г.**»<sup>6</sup>.

В вышеприведенных библиографических сведениях о Зайднере ещё раз обратим внимание на выделенные нами разноречивые строки о дате и месте его смерти, а также об устроенной им публичной библиотеке, особенно важные для дальнейшего рассмотрения.

А вот в «Сибирской Советской Энциклопедии» 1929 г. в специальной статье А. Попова «Баргузинская ссылка» среди многих называемых имен местных политических ссыльных **Зайднер вообще не назван**<sup>7</sup>. Не упомянут Зайднер и среди многих политических ссыльных, называемых в разделе «Политическая ссылка в 60-80-е годы XIX столетия», содержащемся в томе 3 пятитомного советского академического издания «Истории Сибири»<sup>8</sup>...

Таким образом получается, что по прошлым печатным источникам, исходящим, в том числе от участников русского революционного движения, вопрос о месте кончины и упокоения Зайднера оказывается спорным. А советское сибирское энциклопедическое издание вообще потеряло Зайднера среди многочисленных в общем баргузинских политических ссыльных...

Опережая дальнейшее изложение, уместно ещё раз отметить, что уже в более современное время были и другие несправедливости в отношении памяти об этом талантливом поэте и, как будет подтверждено далее, весьма общественно активном во время баргузинской ссылки деятеле...

### **Баргузинские записи 1927 г. фольклориста А. В. Гуревича о Зайднере**

В 1939 г. в сборнике собирателей народного фольклора А. В. Гуревича и Л. Е. Элиасова «Старый фольклор Прибайкалья» будут опубликованы записанные в 1927 г. А. В. Гуревичем в Баргузине от местных жителей несколько стихотворений, которые по мнению фольклориста и сообщивших их жителей однозначно принадлежат Зайднеру<sup>9</sup>. Так, сообщившая первых два стихотворения – «Молитву богу дружно вознесем» (№55) и «Жил в Забайкалье я в норе глухой» (№56), баргузинка Сибирцева утверждала, что «автором их является народоволец Зайднер, умерший в 90-х гг. XIX в. в с. Баргузине от туберкулёза»:

Свою честь, свою свободу этим мы спасем  
Но не богу, что на небе, а что в голове.  
Разуму-уму молися, вот и бог тебе,  
Он тебя научит скоро добро понимать,  
Свой народ любить покрепче,  
Зло же презирать,  
Не смотреть, кто побогаче,  
А кто почестней.  
Не смотреть, одет кто лучше,  
А кто добрей.  
Тех любить, кто за народ  
Век свой век страдал,  
А не тех, кто у народа  
Плод труда украл!

56

Жил в Забайкалье я в норе глухой,  
Где все древнейшей стариной живет и дышит.  
Гоголь сам своим не верил бы глазам,  
Если б все то увидал,  
Что умершим давно считал  
От тракта триста верст она (глушь),  
Ни телеграфа и следа,  
Приходит почта в семь дней раз,  
И праздник этот день для нас.  
Газет, журналов ни следа,  
Но взятки здесь берут всегда,  
Исправник тысячи собирает,  
Помощник тоже не зевает.  
Он на начальника глядит  
И все остаточки тащит.  
Натурой писаря берут,  
Десятские с листом идут.  
Квартальный сзади, как метла,  
Метет карманы дочиста.  
Чтоб обыватель мирно спал  
И про себя не возмечтал,  
Исправник здесь и царь и бог,  
Всех может гнуть в бараний рог.  
Он и начальник и судья,  
Сам Соломон пред ним дитя.  
Коней штук десять прокормить  
И самому роскошно жить  
Задача трудна, ей-ей,  
Решать задачу и трудней.  
Помощник, лакомый к клубничке,  
Повсюду ищет райской птички,  
Но коль строптива и честна,  
В казачей будет вмиг она.

Здесь дуют лютые ветра,  
И льют дожди, как из ведра,  
Во время жатвы лишь во вред,  
Когда ж нужны, тогда их нет.  
Здесь сифилис народ съедает.  
Никто, как бог, врач это знает,  
Покорный небу, как всегда,  
Больных он губит со двора.  
Врачи не лечат здесь народ.  
Без них родится он и мрет.  
Лишь два рубля врачу отдай  
И оздоровишь этим край.  
Чужих детей коли лечить,  
Своих ведь можно погубить,  
К чему же платит докторам,  
Не знает он и сам.  
В Ангарск врач едет порожним,  
Следа лекарства нет при нем.  
К чему ж едет, господа?  
Чтоб была рыбка и икра  
Вдобавок сотенку рублей  
Привозит он жене своей.  
И ждет жена, любви полна,  
Супруга в объяття привлечь.  
Вот так-то вот любезен тот,  
Кто хочет мир в семье сберечь.

Не без оснований можно предположить, что эти стихи Зайднера, записанные Гуревичем в представлении баргузинки Сибирцевой, отличались от авторского оригинала. Наверное, их можно считать народным изложением стихотворной критики тогдашней чиновничьей ситуации в баргузинском крае несломленным ссылкой народовольцем Зайднером. В отличие от стихотворения «Хоть крылья сломаны судьбою...», здесь речь идёт не о глубоко личном, а о злободневном общественном... В этих стихах бескомпромиссные и язвительные конкретные оценки здешней жизни...

Сам фольклорист Гуревич ещё отметит: «Там же записано мною два стихотворения Зайднера „Печальна моя жизнь была“ и „Мечты“, которые также бытовали в Баргузине»:

### **Печальна моя жизнь была**

Печальна моя жизнь была,  
В ней не было даже просвета.  
Теперь уж близка и могила,  
И песнь лебединая спета.  
И тени встают предо мною,  
Встают все года прожитые.  
Гляжу я и вижу с тоскою —  
Лишь рамки стоят все пустые.  
И дел моих вовсе не видно:  
Лишь думы, мечты и желанья.

Становится горько и стыдно  
За муки мои и страдания.  
Зачем во мне сердце так билось  
И к ближним любовью кипело?  
Зачем по ночам даже снилось,  
Что ждет меня доброе дело?  
Зачем? Видно, крест не под силу  
Поднял я в минуту гордыни.  
А что я нашел? Лишь могилу  
В холодной угрюмой пустыне.

### Мечты

Когда еще юнцом я был,  
Вокруг меня носились роем  
Мечты. Я страстно их любил,  
Себя уж я считал героем.  
Я гордо выступал на бой  
С коварством, злобой и пороком,  
Я увлекал толпу с собой,  
Я вождем был и пророком.  
И, обнаживши острый меч  
И знамя красное свободы  
Я ветхое сбирался сжечь,  
Освободить хотел народы.  
Одел доспехи, взял я щит  
И на коня уселся смело.  
Пускай, пускай меня он мчит,  
Умру за правое я дело.  
Но, видно, был ездок плохой,  
При первой схватке я свалился.

Эти два стихотворения явно о том же состоянии души автора, что и стихотворение «Хоть крылья сломаны судьбою...», хотя приведены в разных, независимых друг от друга источниках: борьба, разочарование, тревога, тоска...

И можно считать, что совсем не случайно на могиле Зайднера в Баргузине были начертаны стихи именно Надсона. Четверостишие было написано им в 1886 г. за год до его смерти в возрасте 24 лет от злой чахотки. Всего 32 года проживет и Зайднер и умрет он от той же жестокой болезни. Достаточно ещё раз раскрыть томик стихов Надсона, чтобы сразу почувствовать большую общность поэтических дум, тем и настроений:

Мучительно тянутся дни бесполезные.  
Темно в пережитом, темно впереди.  
Тоска простирает объятая железные  
И жмет меня крепко к гранитной груди.  
О, если бы дело гигантски огромное,  
Гроза увлечения, порывы страстей,  
В холодное сердце, больное и темное,  
Огонь исцеляющих, ярких лучей<sup>10</sup>...

Так писал Надсон в том же 1886 г. И, кажется, что нет уже сомнения, что поэт Надсон был одним из кумиров поэта Зайднера...

## Записи 1980-х гг. баргузинских старожилов Э. В. Деминым

Ещё недавно ныне ушедшее поколение баргузинцев помнило и называло конкретные прошлые баргузинские имена и обстоятельства, свидетелем которых оно было... Именно они интересовали краеведа Э. В. Демина, в 1980-1990-х гг. проводившего разносторонние разыскания по политической ссылке в Баргузинскую долину, обобщившего их в журнальном варианте книги «До и после «баргузинской сенсации»<sup>11</sup>, опубликованной в №№1—3 журнала «Байкал» за 1993 г. Целый раздел этой книги – «Зайднер – не Шандор!»<sup>12</sup>, впервые в советское время, посвящен политическому ссылкеному в Баргузин, поэту А. Н. Зайднеру, в том числе, и записанным автором от баргузинских старожилов и сообщенных ими ему в переписке сведениям о его баргузинской могиле. Об этом подробно далее, прежде же представим два важных, забытых сегодня, печатных свидетельства баргузинской могилы Зайднера, обнаруженных Деминым.

В 1913 г. баргузинский корреспондент газеты «Забайкальская новь» священник Александр Добромыслов в заметке «Забытые могилы», отвечая неизвестному автору, которому не удалось найти могилу «народовольца поэта Зайднера» на самой территории баргузинского кладбища, подробно расскажет о его могиле в Баргузине: «Эту, вероятно теперь в полном смысле слова забытую могилу, нечего и искать на кладбище. **Зайднер похоронен на краю дороги, на левой стороне, если идти из города, почти поверставшись с кладбищем. Умер Зайднер приблизительно в 1892 или 93 г. В 1893 г. я был на его могиле. Она была обнесена деревянной решеткой. В головах стояла сосна и на ней был прибит лист жести, на котором помещено известное стихотворение**». Далее Добромыслов приводит стихи Надсона, помещенное в эпиграфе данного изложения. О состоянии могилы Добромыслов добавит: «Позже я слышал, что по чьему-то распоряжению оградка была убрана, а также и четверостишие. Баргузинцы (если они только интересуются забытыми могилами лиц, пострадавших за свои политические убеждения) должны помнить могилу Зайднера. Нельзя сказать, что после его смерти прошло «много лет»<sup>13</sup>.

Сведения Добромыслева подтверждают и дополняют строки в «Календаре по Забайкальи» (?) на июль 1918 – июнь 1919 (лист 2—8 марта), в которых есть и упоминание о тех же стихах на жести, прибитой к дереву. Указан и их автор —известный в 80-х гг. прошлого века поэт С. Я. Надсон. В «Календаре» также отмечено: «**В девяностых годах там [в Баргузине – авт.] жил Зайднер, скончавшийся очень молодым. Почему-то его похоронили за городом около самой дороги. На могиле была устроена ограда... Полиция усмотрела эту могилку и приняла соответствующие меры. Ограда была убрана, четверостишие сорвано и могильный холм сравнен с землёю. По последним сведениям, на том месте – груды обывательского навоза. Так старый строй стремился истребить память о ненавистных ему людях**»<sup>14</sup>. Здесь можно усомниться в том, чтобы баргузинская полиция оскверняла могилы по политическим соображениям, хотя у просмеянных Зайднером в его вышеприведенных баргузинских стихах местных чиновников и был повод для, мягко говоря, личного отношения к ссылкеному.

Настоящим краеведческим откровением, исходящим от непосредственных свидетелей – баргузинских современников могилы Зайднера являются фонозаписи рассказов здешних старожилов и долгожителей, а также переписка с ними, хранящиеся в личном архиве Э. В. Демина. Этот, без преувеличения, уникальный массив сведений создавался, в том числе, в рамках подготовки в 1980-1990-х гг. цикла передач весьма популярной тогда программы бурятского телевидения «Ваше мнение», посвященной историко-культурному наследию исто-

рических поселений Бурятии. В этой программе Э. В. Демин был ведущим и соавтором, вместе с её редактором и соавтором журналистом О. Я. Кожевниковой.

Несколько передач программы было посвящено Баргузину историческому, в том числе, вопиющему осквернению в 1989 г. исторического кладбища Баргузина в угоду фантастическим зарубежным легендам и выдумкам местных «краеведов» о якобы «баргузинском пребывании» великого венгерского поэта Шандора Петефи. Вопреки протестов деятелей Бурятского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) и госоргана охраны памятников республики историческое баргузинское кладбище было варварски перекопано. Некие выкопанные здесь останки прямо на краю могилы были объявлены останками Петефи и их изъяли (до сих пор не вернули), а останки из другой могилы, для лучшего обоснования «открытия» могилы Петефи, выдали за останки декабриста М. К. Кюхельбекера (хотя здесь уже имелась и до сих пор в наличии официально признанная могила этого декабриста) и тут же снова зарыли... Демин, как главный краеведческий оппонент этой изначально очевидной авантюры, был членом и участником межгосударственной советско-венгерской комиссии, признавшей, что выкопанные здесь останки принадлежат женщине... Это было в дальнейшем неоднократно подтверждено исследованиями советских, венгерских, американских и российских учёных и специалистов<sup>15</sup>... Останки до сих пор не возвращены на баргузинское кладбище и продолжают оставаться предметом обмана и недобросовестных спекуляций... На самом же кладбище теперь наличествуют две могилы одного декабриста...

В феврале 1986 г. в г. Улан-Удэ Демин записал воспоминания 86-ти летней бывшей учительницы Сусанны Владимировны Говориной, родившейся и до 1948 г. жившей в Баргузине. Вот её рассказ:



Говорина СВ в центре жена ее брата, Ольга Илиодоровна Лизенги

«Девочками мы часто бегали на речку Баргузин. За кладбищем был переулок. Это от могилы декабриста сразу, примерно в 10 метрах. И возвращаясь с речки, мы часто прибежали на это поле (за переулком), где была неизвестная могила, и любили сидеть. На могиле была чугунная плита, и на ней слова из выпуклых тоже металлических букв. Слова были такие [далее четверостишие Надсона – *авт.*]. Могила – обыкновенный бугорок, уже несколько стертый, а на нем прямоугольная чугунная плита. Креста вообще не было. Могила была одиночная, тут поле было, потом его стали засеивать овсом или пшеницей. Больше десяти метров от оградки кладбища. Моей бабушке рассказывала прабабушка. Недалеко, в 8 километрах от Баргузина, есть село Нестериха. И женщины рано утром носили оттуда продавать молоко в город Баргузин. И вот они по этой дороге, которая проходила недалеко от этого поля, где была могила, перестали ходить. Когда им задавали вопрос: «Почему вы тут не ходите», – они говорят: «Там русалка». И мама мне рассказывала, что каждое утро, очень рано, приходила женщина в белом платье. Мама уже это не видела – только от своей прабабушки. Кто она была, или жена, или сестра, неизвестно. А мы, ребяташки, друг другу вопрос задавали – чья это могила? И любили по несколько раз читать вот эти стихи. Они нам очень нравились. Имени на плите не было, могила нам неизвестная. О женщине говорили, молодая, косыночка на ней белая, волосы были длинные, платье очень длинное. Моя мама умерла в 1935 г., она прожила 72 г. А бабушка, по моему, умерла в 1910 г., в 1908 старенькая была. Имя Зайднер где-то слышала. По-моему, в 30-

х г. была, знаете, статья в «Правде Бурятии» [в то время «Бур.-Монг. Правда» – *авт.*]. Это если написал, то написал бывший учитель школы, средней баргузинской, Затеев Иосиф Тихонович. Что-то мне вспоминается, что там даже эти стихи были полностью и фамилия Зайднер»<sup>16</sup>.

Но годом раньше на другого, можно сказать, уникального, очевидца баргузинской могилы Зайднера Демина вывела баргузинка Валентина Яковлевна Токарева. В письме из Баргузина от 25 июня 1985 г. она сообщала Демину: «За пределами кладбища была одна могила с надгробной плитой и оградкой, где был похоронен Зайднер (...). Предполагаю, что это был человек ссыльный в Баргузин, за могилой ухаживали воспитанники нашего детского дома вместе с директором Г. И. Загрядским. Позднее эти места были отданы для подсобного хозяйства детского дома. И по указанию Сельского совета оградка и плита были куда-то увезены. Это я выяснила в беседе с бывшим директором Г. И. Загрядским (ныне пенсионером)»<sup>17</sup>.

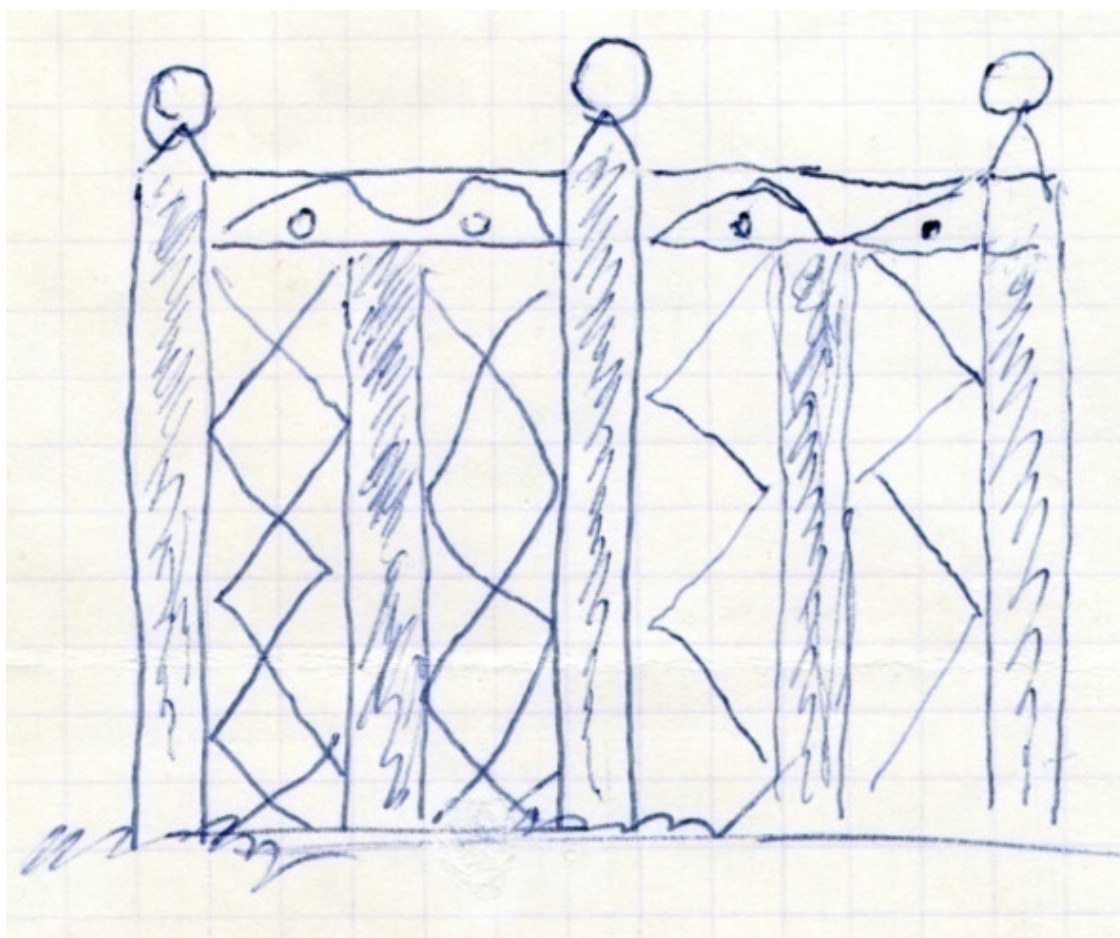


рисунок Токаревой

А в письме от 24 ноября того же года Токарева прислала приводимый здесь эскиз оградки и дополнила сведения о могиле: «Надгробная плита была обычных размеров. Больше ничего Георгий Иванович Загрядский не сказал. Только что хранили оградку и плиту до 1949 г.»<sup>18</sup>.

С пенсионером Георгием Ивановичем Загрядским (р. 1917 г.), всю жизнь проработавший директором Баргузинского детского дома, воспитанники которого ухаживали за могилой Зайднера, Демин много раз подолгу общался в Баргузине, в том числе, когда приезжал с журналистом О. Я. Кожевниковой в составе съёмочной группы.

Человек и сам по себе интересный, он прояснит многое, в том числе покажет приблизительно место могилы на нынешнем стадионе, территорию которого занимало когда-то под-

собное хозяйство детского дома. Загрядский, ничего не подозревавший о прошлых противоречиях по месту смерти Зайднера, всегда знал ее как могилу Зайднера.

Помнил Загрядский и о том же самом четверостишии, подтвердив, что до 1951 или 1952 г. памятник еще был. Но главным было то, что он на местности – нынешнем стадионе Баргузина, устроенном на месте бывшей территории детского дома, которым он руководил, определил примерное место могилы Зайднера<sup>19</sup>. На приводимой здесь фотографии, сделанной Деминым зимой 1986 г., на этом самом месте стоят слева направо: сам Г. И. Загрядский, баргузинский краевед Ю. Н. Словохотов и журналист О. Я. Кожевникова, берущая у них интервью. Здесь важно обратить внимание на задний план фотографии, позволяющей и сегодня тоже сориентировать, указанное Загрядским место могилы: за деревянным забором то самое историческое кладбище Баргузина, важными ориентирами являются сосна слева за забором, правее её – железобетонная опора линии электропередачи и ещё левее – дом за забором.



Г. И. Загрядский Ю. Н. Словохотов О. Я. Кожевникова

Загрядский показывал это место могилы Зайднера также летом 1987 г. во время съёмок последующей передачи программы «Ваше мнение». Но особенно памятными были съёмки 1992 г., когда после них семья Загрядских принимала у себя дома представительную группу гостей, запечатленную на приведенной фотографии. На ней слева направо видны: журналист Венгерского государственного телевидения Матэ Янош; научн. сотр. БИОН БФ СО АН СССР, доктор ист. наук К. М. Герасимова; жена Г. И. Загрядского; сам Загрядский; ст. редактор худ. вещания Бурятской телерадиокомпании, журналист О. Я. Кожевникова; зам. директора Института археологии Венгерской академии наук (ВАН), доктор ист. наук, проф. Ласло Ковач и канд. техн. наук, доц., краевед Э. В. Демин.



1992 г. в гостях у Загрядского Г И

В 1986 г. на вопросы Демина о Зайднере ответила из Иркутска, родившаяся в Баргузине, Лидия Александровна Кузнецова: «Могила Зайднера, политического ссыльного, была около дороги, идущей к деревне Нестериха, в двух километрах от старого кладбища [о том, с какой другой одиночной могилой путает Кузнецова, далее – *авт.*]. Там росло какое-то лиственное дерево, довольно большое. На могилу часто приходила его жена, почему-то с растрепанными волосами. Бегущие по дороге лошади пугались этой картины. Потом срубили это дерево, а к месту могилы стали вывозить всякий мусор. Так что теперь эту могилу едва ли можно будет найти»<sup>20</sup>.

Немало интересного из далекого и не столь давнего прошлого Баргузина записал Демин в баргузинской семье учителей по профессии, матери и дочери Тэмы Яковлевны (Шленкевич) и Сары Яковлевны (Михалева) Башкир за несколько встреч с ними. Из воспоминаний Тэмы Яковлевны (р. 1909 г.): «За кладбищем я знала только могилу Зайднера. Я ее лично видела. Она помнится, у нее была фигурная из прутьев оградка, ажурная, металлическая. Как обычные оградки, но она маленькая, только-только по могилке. На плите – вот это я прочитала – «Зайднер». Я иначе-то бы и не знала. И после этого мы разговаривали, я все говорила: «Яша, – мужу это, – почему он там похоронен-то, один абсолютно, в поле?». Не помню, не то на могилке или около могилки сосенка стояла. Почему? Кто-то говорил, что, вроде, это была его последняя воля, чтобы его похоронили одного, ввиду того, что он здесь был один... От стены кладбища она самое большое метров пятьдесят. Там (на плите) было что-то, но это было заросшее. Стихи какие-то были... Туда входа не было. Ну я поскребла-поскребла и – «Зайднер» прочитала. Я сама читала, имя было. Фамилия вот так была здесь написана, такими, знаете, выпуклыми буквами на плите. Имя и отчество... под фамилией, но я не помню (их), может, я читала. Это же 30—35 лет (назад) ... А потом поле здесь было после хлебное, были здесь Загрядские, они всегда сеяли тут пшеницу, рожь сеяли, но мало, ярицу сеяли. Они всегда опахивали, никогда ее не задевали. Никогда, никогда! Они всегда вокруг ее опаливали, трава росла (там). А потом колхозное поле было – ее не трогали. А вот когда Георгий Иванович (Загрядский) стал здесь

владельцем... когда рядом детдом там стал, там подсобное хозяйство было. Это примерно в 50-м году было. Вот он когда пахал, тогда и запахал (могилу). Оградку эту снесли»<sup>21</sup>.

В январе 1986 г. Демин и его бывший соавтор А. В. Тиваненко выступали перед жителями Баргузина с изложением результатов своих разысканий, в том числе речь шла о Зайднере. В поселковом клубе собралось много заинтересованных баргузинцев, немало было и вопросов. После этой встречи в гостинице им передали записку с просьбой срочно позвонить по указанному телефону. Позвонив, они получили приглашение, не смотря на поздний час, придти в гости к местным Васильевым с обещанием рассказать очень интересное. В гостях у Васильевых глава семейства Олег Владимирович (р. 1945 г.) рассказал следующее: «После окончания службы в армии я работал в ДОСААФе [баргузинском – *авт.*] инструктором. И где-то в 68—69 гг. началось строительство гаража. Я точно помню: в начале 68-го года началось строительство гаража. Строила бригада армян из шести, кажется, человек. Они делали полностью „от“ и „до“ этот гараж... При завершении работ..., когда делали смотровую яму и заливали пол, если заходить в гараж со стороны ворот, то с правой стороны, слева направо – третья смотровая яма, на глубине роста человека, двух, пожалуй, метров были обнаружены женские белые туфли, кости человека, останки, истлевшая одежда и коса, сохранившаяся коса. Цвета точно не помню. И, что характерно, – была там бронзовая табличка с надписью: „Здесь покоится прах Кюхельбекер Елена“. Но я точно отчество не помню. Что женщина, это точно: тут и коса, и табличка. Но тут, по-видимому, интерес такой был на стороне армян, чтобы им не сбили заработанную плату, не было приостановки этого объекта. Они постарались это дело побыстрее замять. Думаю, табличку они увели с собой. Знал об этом Молчанов Иннокентий Георгиевич, бывший директор. Он видел останки, табличку. Видел Мисюркеев Владимир Иннокентьевич..., видела Коневина Любовь, отчество не помню... Армяне постарались это все в кучу поскидать. Доложено было... Данненбергу Виктору Александровичу. Он был заведующим отдела культуры... Но Молчанов в ту пору... (промолчал). И постарался нас убедить, чтобы мы не вздумали говорить о том, что тут захоронение. Ну, конечно, он просто так сказал, по-дружески, – лучше молчите, потому что сейчас такие условия работы. Сейчас приедут, там приостановят строительство. Это нам, во-первых, неинтересно, а потом Кюхельбекер не здесь покоится, это, может, однофамилец... Ну, постарался убедить... лишь бы продолжить строительство. Вот, собственно, и все. Знал узкий круг людей, потом фактов-то на лицо не осталось. Эти бы туфли, например, остались наверху и ходили бы по Баргузину из рук в руки – это бы уже факты налицо были. Взята была только табличка, остальное все в земле осталось. Постарались землей засыпать, утрамбовать. Туфли негоже в бетон замешивать, залили сверху только. Если будете копать третью яму, то выйдете на останки этого захоронения... Я с того года ушел оттуда...».

После этого рассказа было чему ещё более удивляться... Ведь Васильев очень определённо рассказал о второй отдельной могиле, находившейся намного дальше от первой могилы и самого баргузинского кладбища... Очевидно именно о ней шла речь в вышеприведенных исторических сведениях Л. А. Кузнецовой... Баргузинские тайны пополнились еще одной жгучей загадкой... Вот уж поистине: шерше ля фам...

Демин уточнил у Васильева, известна ли ему еще и другая одиночная могила? Оказалось, что известна: «Я вот пацаном помню. Где-то в тех краях, в том районе стадион. Примерно, в том месте стоял одиноко железный резной крест. Знаете, он небольшого был ростом... резной такой, знаете, фигурный. Точно не помню о перекладинах. Вот где примерно стадион... не было оградки. Где-то в 50-х годах, бегали купаться...»<sup>22</sup>. Жена Васильева, бывшая свидетельницей тех прошлых переживаний мужа, полностью подтвердила историю с могилой в боксе №3. Ей, как женщине, особенно запомнились подробности из его рассказа того времени о хорошо сохранившихся белых туфлях, длинных пышных волосах и бронзовой табличке с фамилией «Кюхельбекер».

Знаковые события того дня для Демина и его коллеги этим не ограничились: в гостинице им было оставлено письмо без подписи и адреса на конверте, но в тексте было указано, что оно от инженера по технике безопасности Владимира Иннокентьевича Мюсеркеева. Вот, что он писал: «Прослушав вашу лекцию, просим переговорить с гр-ном Молчановым Иннокентием Георгиевичем (указан адрес в Баргузине). Он руководил строительством гаража на территории ДОСААФ п. Баргузин в 1969 г. При рытье котлована они обнаружили гроб, якобы был гроб с телом жены или дочери Кюхельбекера. Вы, пожалуйста добейтесь от него, он единственный свидетель того гроба, чтобы он рассказал об этом. Чтобы он рассказал об этом. Если он отрицать будет (ведь он коммунист), неужели для всего человечества он вам не расскажет. Просите его... Конечно этот гараж большие деньги стоит, но он знает, в какой части под фундаментом этот гроб»<sup>23</sup>.

Вот так и сошелся для Демина и его коллеги свет клином на баргузинце Иннокентии Георгиевиче Молчанове (р. 1924 в Нестерихе), чья роль в сохранении тайны ещё одной отдельной могилы была явно не последней. Сразу же на другой день отправились на его поиски. Предполагалось, что он вполне мог и не откликнуться на призыв к откровенному разговору. Но он сразу решил помочь и рассказал следующее: «Мы уже заканчивали строительство гаража, коробка уже стояла... шли внутренние отделочные работы... теплотрассу делали. Делали смотровые ямы. И вот при (яме) третьего бокса мы обнаружили останки какого-то погребения. Я, правда, уже пришел, когда мне сказали рабочие... они мне показали... лично я видел остатки гроба, листовые доски, пыльные все доски, очень, две особенно с левой стороны сохранились хорошо. Дальше нашли туфель черной кожи. Я не мог понять: или замша или хром. Каблук высокий, высокий каблук такой. Дальше – кусок материи, видимо, типа платья. Шерстяная черная такая, может быть, даже она и не черная (была раньше), но когда я ее взял в руки, она рассыпалась. И остатки, значит, волосяного покрова головы... Ну, вот, посмотрели на это все, и на этом дело все кончилось. Это все, скорее всего, осталось в стороне от ямы, и если копать, то можно обнаружить. В этом же погребении работяги-то все перерыли. Я обнаружил медную табличку размером, примерно, как вот фотокарточка 8x9 (см), может быть, побольше. Но я видел только один уголок ее... Или там буквы или цифра была набитая, накерненная. Но что там написано, не помню. И даже трудно было разобрать. В детстве, я помню, на этом месте стоял памятник. Был какой-то надгробный камень, плита надгробия, и стоял крест, какой вы мне показали, с одной перекладиной и такими „пампушками“. Неправославный, металлический, высотой примерно сантиметров или семьдесят, может, около метра. Он был вделан в камень. Общая высота около полутора метров. И остатки металлических штырей, я думаю, оградка была. Вокруг оградка была для одной могилы, а может быть, и больше. Я затрудняюсь (теперь) сказать. На моей памяти крест исчез. Там потом колхоз стал распахивать поле, там засеивали хлеб, потом общественное поле сделали, стали сажать картошку. И он исчез, но когда он исчез, я не знаю. Табличку забрал Гыргенов Дмитрий Лукич. Он работал в райкоме партии, тоже по охране памятников. Это был тот же самый 69-й год. Он покойный года два...».

Демин задал Молчанову тот же вопрос: не путает ли он эту могилу с той, что тоже была за пределами старого кладбища, там, где теперь стадион? На что получил следующий, совершенно определенный ответ: «Нет, это отдельная могила. Стояли они в створе, примерно, могилы Кюхельбекера (на кладбище). На одной линии (были) три (эти) могилы. А ту могилу я помню: металлическую оградку... Не помню, был или не был крест. Но я знаю, что старики говорили, что это антихристы похоронены. Они вне кладбища похоронены потому, что им места там нет. И про эту тоже говорили так... Гыргенов этим занимался, прибежал, говорил, подымет этот вопрос...»<sup>24</sup>.

Ссылка Молчанова на Гыргенова, якобы забравшего бронзовую пластинку с накерненной надписью, заставила Демина поискать эту фамилию среди баргузинских радетелей старины. Один след его деятельности на ниве охраны памятников был найден в газете «Советская куль-

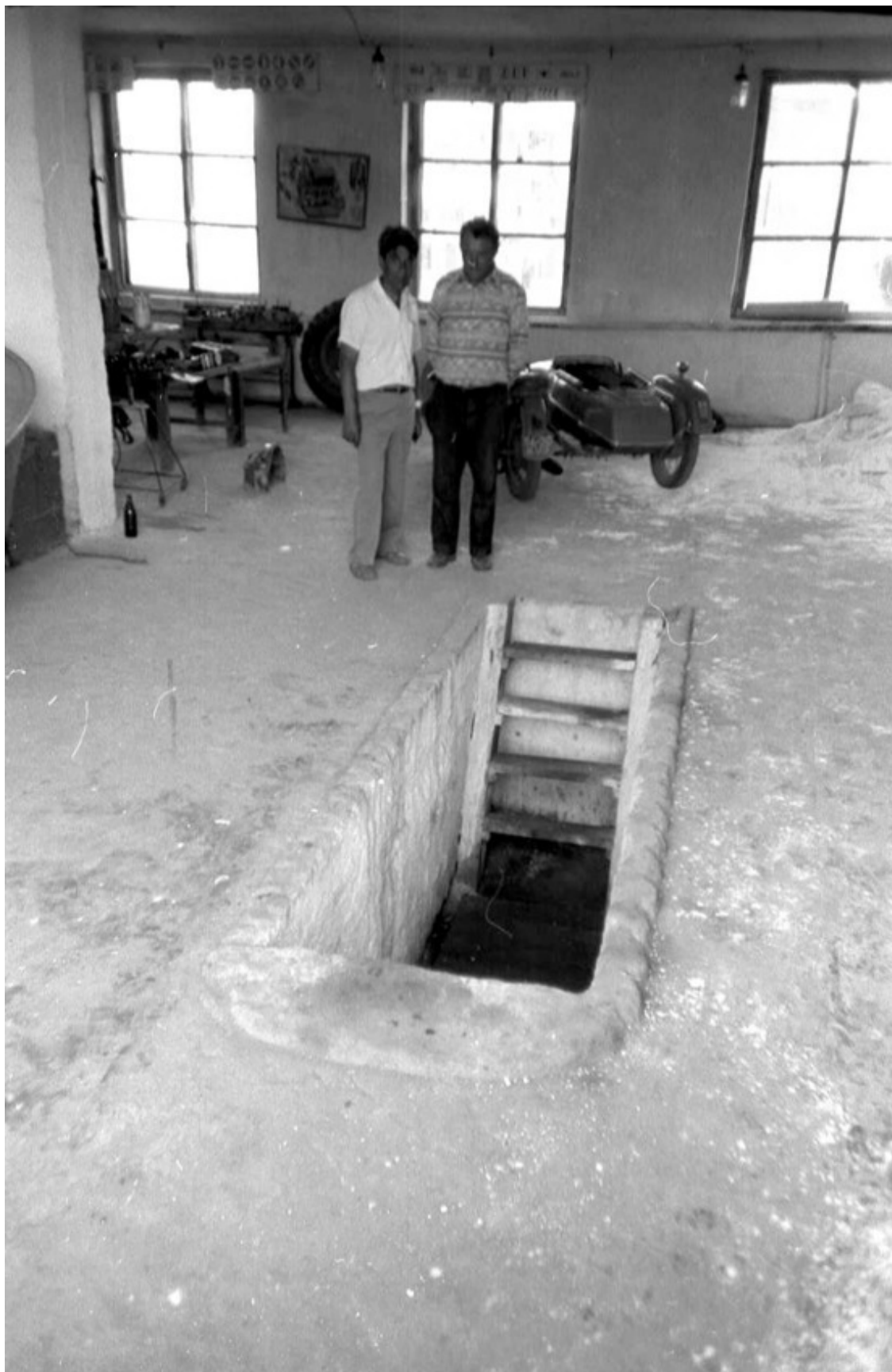
тура» за 1955 год, где под заголовком «Сохранить дом декабриста» было опубликовано его письмо в редакцию (31 мая). Гыргенов еще тогда ратовал за сохранение дома М. К. Кюхельбекера, а редакция в комментарии к этой публикации напоминала Председателю Совета Министров Бурят-Монгольской АССР Д. Болсохоеву о неудовлетворительном состоянии дела охраны памятников в республике<sup>25</sup>.

Рассказы Васильева и Молчанова (и в некоторой части Кузнецовой) получили подтверждение в воспоминаниях Алексея Ивановича Горячих, местного уроженца 82-х лет, записанных Деминым в 1987 г.: «Один декабрист лежит, похоронен он там, за Баргузином. На горке был. К нему внучка года три ездила. Приезжала. Последний раз я ее видел, когда мы отсюда в 23—24... (году). Дальше туда, за самым Баргузином, там СМУ какое-то построили. Железная оградка, плита, крест был с одной перекладиной. Внучка уж старенькая была. В 23—22 году приезжала она. Откуда – не знаю, не скажу. А мы раз охотились, ночью шли, думаем – какой огонь горит? Интересовались, подошли – женщина сидит. А потом каждый год ездила, мы видели ее, познакомились с ней. Она ночью там, жутко, могилка будто, она с фонарем сидит, читает что-то... Ей лет 50—55 было...»<sup>26</sup>.

Побывал тогда Э. В. Демин и в злополучном баргузинском гараже, в котором, по сведениям Васильева, в боксе №3, рядом со смотровой ямой были скрыты – замурованы, найденные при его строительстве, останки неизвестной женщины... На представленных фотографиях видно, как выглядели тогда сам гараж и та самая смотровая яма.



Гараж на территории ДОСААФ бокс №3



Свидетели обнаружения останков в 1969г показывают яму

В связи с вышеприведенными сведениями, в том числе, о двух отдельных одиночных могилах за пределами кладбища, которые располагались, как уточнял Молчанов, «в створе,

примерно, могилы Кюхельбекера (на кладбище)», весьма интересны обнаруженные А. А. Поздняковым строки из писем 1960-х гг. Л. И. Эренпрайса из Москвы в Баргузин П. Н. Эдингу (об весьма авторитетных баргузинцах Эренпрайсе и Эдинге подробно далее), Эти очень интересные во многих отношениях письма хранятся в рукописных материалах (папке №15) историко-краеведческого музея Баргузинской средней школы.

Прежде всего обращает на себя внимание принципиально важный вопрос, который задаёт Эренпрайс Эдингу: «На чью могилу поставил Городок. Совет в 1918 г. железную оградку за городом, по дороге на Нестереху?». То есть, Эренпрайс не знал точно кто покоится в могиле с железной оградкой. Более того, он предостерегает Эдинга от безоглядного доверия местным рассказам о ссыльных на примере хождения среди баргузинцев искаженной фамилии ссыльного – «Зандер» вместо Зайднер: «Кстати, о памяти в таком деле. Никогда нельзя на всё опираться. Вот ты пишешь мне о Зандере, а оказывается он Зайднер Александр Николаевич – русский. Женился в Баргузине на ссыльной Левенсон, прибывшей позже его на 2 года и зовут её Виктория Викторовна – русская, а то имя, которое она носила в Баргузине, да, очевидно, и в подполье – это псевдоним. Спасибо за сообщение о том кто был Зандер. Здесь я разыщу подробности. Это очевидно народоволец. Фамилию Левенсон Е. Д. я встречал в связи с Брешко-Брешковской, которая была в ссылке в Баргузине».



Левенсон Елизавета Дмитриевна, Голиков В. Т. и Константин Миронович, ссыльные поселенцы гБаргузинск

Из последующих строк письма можно заключить, что Эренпрайс хорошо помнил только сам вид одиночной могилы с железной оградкой под сосной далеко за кладбищем. Связывать же эту могилу с именем Зайднера он мог с подачи Эдинга, но всё же употребил осторожное «якобы». О другой одиночной могиле сразу за кладбищем он никак не упоминает: «Что касается железной оградки на пути к Нестерихе и сосны, под которой якобы просил себя похоронить ссыльный, я хорошо помню. На этом месте была свалка [подчёркнуто Эренпрайсом – *авт.*]. Свалку в 1918 г. убрали. Железную оградку делал кузнец Алашкевич и в 1921 г., когда я был последний раз в Баргузине секретарём Укома, помню эту оградку и сосну»<sup>27</sup>.

Сопоставляя все выше приведенные сведения о двух одиночных могилах за пределами кладбища, следует напомнить, что Эренпрайс и Эдинг переписывались в 1960-х гг., последний, судя по использованию им искаженной фамилии ссыльного, пользовался только изустными сведениями о нём, полученными от местных старожилов, а записи Деминым воспоминаний

баргузинцев относятся к 1980-х гг. При таких поздних источниках изустных сведений ожидать, что они во всём будут совпадать и полностью соответствовать действительности нет оснований. Тем более, что помимо естественного забывания, эти две могилы в воспоминаниях через много лет могли путать из-за некоторой схожести связанных с ними обстоятельств: обе отдельные одиночные за кладбищем, у обоих были оградки, каждая была под сосной...

Все противоречия разрешают, приведенные выше, можно считать бесспорные, сведения священника Александра Добромылова, побывавшего на ещё свежей могиле Зайднера в 1893 г. Прочитируем ещё раз соответствующие строки из его статьи 1913 г.: «Зайднер похоронен на краю дороги, на левой стороне, если идти из города, почти поверставшись с кладбищем [то есть, могила рядом с кладбищем – *авт.*]. (...). Она была обнесена деревянной решеткой. В головах стояла сосна и на ней был прибит лист жести, на котором помещено известное стихотворение». Как рассмотрено выше, примерное место этой могилы на смежном с кладбищем местном стадионе многократно показывал, в том числе Э. В. Демину, баргузинский старожил Г. И. Загрядский.

По политическому ссылному в Баргузин А. Н. Зайднеру и баргузинской ссылке действительной и мнимой вообще Э. В. Демин переписывался также с уже называвшимся забайкальским краеведом Е. Д. Петряевым. В письме от 31 марта 1986 г. Петряев писал Демину: «Дискуссии вокруг полуфантастических гипотез [по «сибирскому Петефи» – *авт.*] и даже эксгумация ничего не прибавят, кроме значительной дозы вредного для подлинной науки информационного шума. Пафос добывания точных фактов нельзя подменить болтовнёй. Тема о баргузинских ссыльных интересна и перспективна, но и тут следует базироваться не на обывательских фантазиях, а на реальных и критически изученных документах и свидетельствах. Рассказы о декабристах уже давно во многом потеряли достоверность, особенно это касается семейных связей и так называемых потомков. В свое время немало измышлений и путаницы в это внесли Элиасов и Гуревич. Недаром М. К. Азадовский [известный советский литературовед и фольклорист – *авт.*] предостерегал...»<sup>28</sup>. В другом письме того же года Петряев пишет и о Зайднере: «Историкам известен народоволец Александр Николаевич Зайднер (1859—1891). В 1880—85 он был на Каре, потом поселён в Баргузине. Стихи его печатались в «Вост. обозрении», умер он в Чите. М. К. Азадовский не раз предостерегал от ссылок на домыслы, которыми учёные-фольклористы засоряли литературу»<sup>29</sup>. В последнем перед кончиной письме Петряев особо отмечал: «Сведения о ссыльных, их смерти, женитьбе и прочие весьма тщательно регистрировались. А всяких Петровичей – легионы. Напомню, что могилу «Петефи» находили в Сивякове (около Читы), в Енисейске, а надписи середины прошлого века сохранились лишь на чугуне, которого в Баргузине не было (...). О том, что краеведению пора стать на уровень времени и не заполнять науку информационным шумом, думаю, все согласны. Ценз краеведа сейчас так низок, что следует подумать о критериях. Если человек нашел старую пуговицу или бивень мамонта, то это ещё не краеведение. Даже заведомого пьяницу не называют виноделом, несмотря на богатый его «багаж»<sup>30</sup>...

## Лебединая песня Зайднера – Баргузинская общественная библиотека

Не только поэтической критикой местных чиновничьих обыкновений, но и другим большим общественно полезным делом отметился и увековечил себя политический ссыльный А. Н. Зайднер в истории Баргузина. Настоящим краеведческим открытием и новой страницей в истории местной общественной жизни можно считать обнаружение баргузинским краеведом А. А. Поздняковым небольшой статьи о последнем, перед преждевременной кончиной, общественно значимом деле А. Н. Зайднера – его символической лебединой песне...

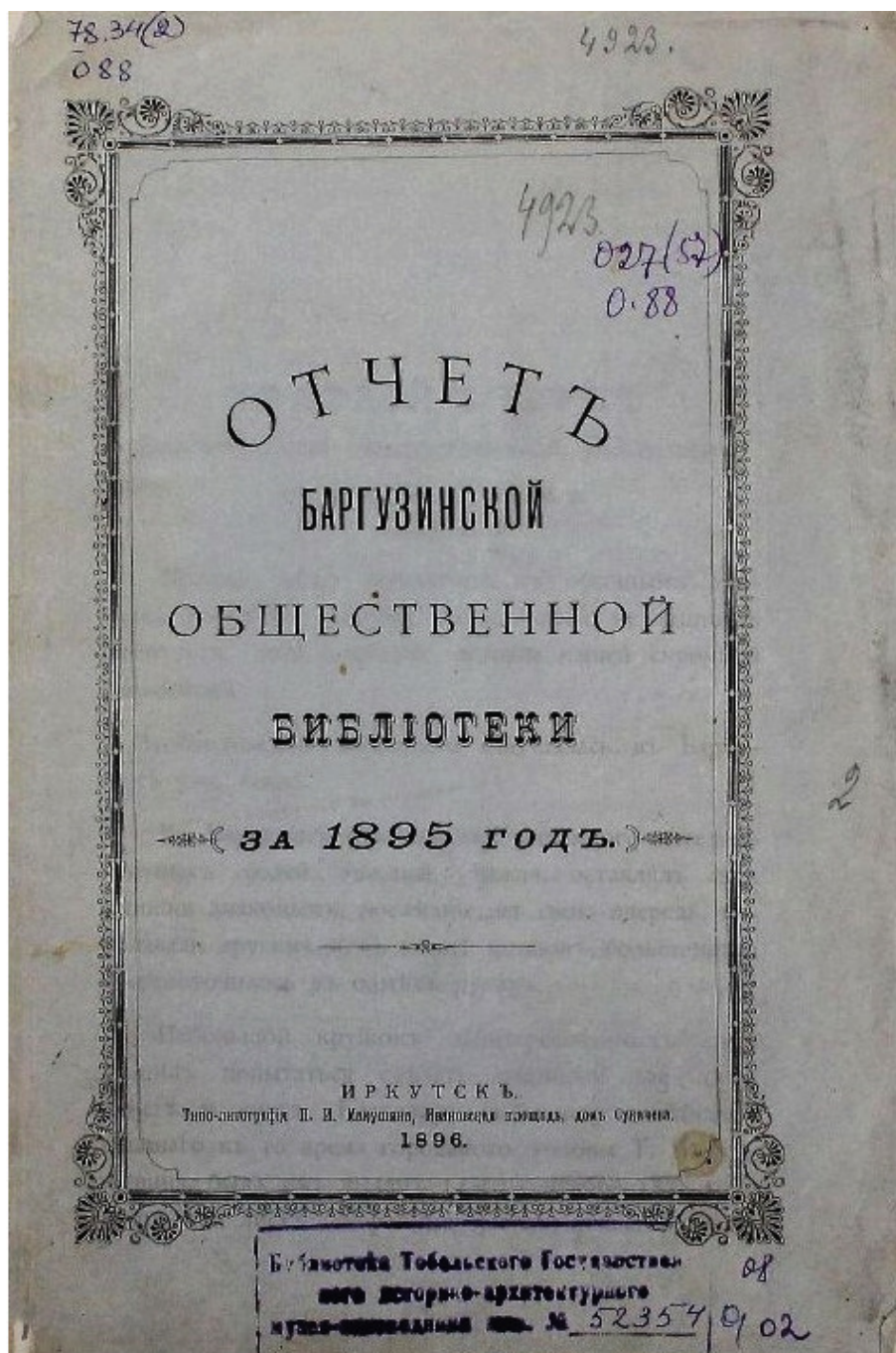
Из статьи, опубликованной в 1892 г. без подписи в той же газете «Восточное обозрение», исходящей, очевидно, от баргузинского автора и сподвижника Зайднера, предметно выясняется, что автором идеи, основателем, устройтелем и радетелем Баргузинской общественной библиотеки был именно политический ссыльный А. Н. Зайднер. О малоизвестности при несомненной библиографической ценности этой статьи, важности введения её в современный местный историко-краеведческий оборот свидетельствует уже то, что она осталась вне поля зрения даже такого признанного знатока прошлых публикаций по Забайкалью, как Петряев, почему и не вошла в его вышеназванный уникальный биобиблиографический указатель 1981 г. Петряев обнаружит её позже и назовёт перед самой своей кончиной, в 1987 г., в своих ротопринтных (Кировский Политех. н-т) «Биобиблиографических материалах» с общим названием «Сотрудники «Восточного обозрения» и «Сибирских сборников» (1882—1906)»<sup>30а</sup>.

Вот самые информативные строки об этих общепользных заботах Зайднера, можно предположить, умиравшего уже от тяжелой болезни: **«Баргузин. Скоро наступит трёхлетие со дня официального основания Баргузинской общественной библиотеки. Мы вспоминаем об этом главным образом под влиянием свежей вести о смерти А. Н. Зайднера, которому принадлежит как мысль, так и осуществление этого дела.** Раз задумавши крепкую думушку, З., уже не мог носить её сам в себе, и когда обратился к кружку своих близких друзей за помощью, – это дело уже было его больным местом. Благодаря хорошим отношениям со всеми, он обращался ко всякому и – то просил книг, то забирал их силой, то заставлял выписывать, что нужно по его указанию, для будущей Общественной библиотеки в Баргузине. В своей квартире Зайднер устроил нечто вроде склада, где принимал и сваливал всё, что ему предлагали. Приносили же зачастую не только целые книги, но иногда буквально одни только обрывки, из которых потом, при помощи адского терпения, Зайднеру удалось собрать и составить немало целых книг. Всё это впоследствии было им передано общему собранию библиотеки через Я. Д. Фризер при её официальном основании 3 года тому назад. У Зайднера в то время образовалась груда книг, которую он первоначально и разделил на следующие отделы: политические науки и статистика – 27 экземпляров; критика и публицистика – 17 экз.; история, философия и биографии – 54 экз.; естественные науки – 39 экз.; беллетристика – 232 экз.; технология – 16 экз.; учебный и справочный отдел – 50 экз.; старых журналов – 435; дубликатов – 20. Всего было подобрано и сдано Зайднером в основание баргузинской библиотеки около 900 томов разных названий. При официальном открытии состоялось тотчас же первое общее собрание и общество живо откликнулось на это дело. В самом скором времени в пользу библиотеки было собрано 640 р., на которые и была произведена выписка новых журналов, газет и приобретена русск. классики. Конечно в 1-й год существования библиотека должна была затратить все свои наличные средства, так как пришлось у тому же тратиться и на переплёт заслуживающих внимания, вновь поступивших книг, которые Зайднер за болезнью и недостатком сил не успел, с помощью своих друзей, переплести, как и все предыдущие, своими руками».

Очень интересны и такие строки о вживании вновь открытой библиотеки в баргузинское общество, её трудностях и первопроходческих начинаниях: «Многого сразу, конечно, выписать было нельзя, но всё же меры были приняты к тому, чтобы библиотека росла и укреплялась. В Баргузине, как во всяком захудалом городишке, нашлись и люди и средства для приложения рук к хорошему делу и, когда Общественная библиотека открылась, все наперерыв добивались чести послужить бескорыстно святому делу. Явились даровые библиотекари и помощники и т. п. из всех слоёв общества в количестве даже большем, чем было нужно. Словом, в начале это дело так заинтересовало всех, что послужило темой бесед, дебатов и даже всевозможных пререканий, так что вскоре общество вполне сжилось со своею библиотекой. Но, как и всякое дело, дающее плоды только в самом отдаленном будущем, библиотечное дело своим однообразием и некоторой сухостью скоро примелькалось и потеряло для публики вообще свой первоначально животрепещущий интерес, а людям, не привыкшим жить интересами печатного слова, оно, пожалуй, даже и оскомину набило. Пришлось для того, чтобы повысить интерес к библиотеке, прибегнуть к новым измышлениям, придать ей значение не только общественной, но и народной библиотеки и для этой цели, кроме ранее выписанных периодических журналов, газет и книг, выписать ещё массу популярных и народных книжек лучших и добросовестнейших издателей. При этих условиях, всё молодое грамотное поколение нашего города горячо отнеслось к этому нововведению и целыми часами ожидало момента открытия библиотеки, чтоб потом с жадностью наброситься на книги».

Не всё было гладко в деятельности библиотеки и в других отношениях, на что, очевидно, влияли некоторые тогдашние веяния в стране: «Всё шло прекрасно и интересы библиотеки уже было опять поднялись на желаемую высоту, как нашлись в числе горожан некоторые лица, посмотревшие на это дело совсем иначе. и стали оказывать ярое противодействие безусловно полезному делу. Под влиянием, надо думать, чтения духовно-религиозных журналов, относящихся крайне отрицательно к проповеди Льва Толстого, и совершенно не разобравшихся в сущности дела, они перенесли взгляды последнего с „Крейцеровой сонаты“ и др. подобных его сочинений на книжки, писанные для народа и изданные „Посредником“. Вышло нечто совершенно невероятное. Пользуясь своим влиянием, эти лица стали запрещать брать для чтения сначала книжки Л. Толстого, а потом и другие, говоря, что: „не всякий пастырь – есть добрый пастырь“; что Л. Толстой – „пастырь в овечьей шкуре“, что читать таких авторов безусловно вредно, особенно для юношества. Все это привело наконец к тому, что теперь молодое подрастающее поколение стало с опаской и гораздо реже заглядывать в наш храм всеобщего просвещения. Таков ход и последующее развитие за 1-е трёхлетие библиотечного дела в Баргузине; остальное покажет нам будущее. В настоящее время средства библиотеки главным образом составляются из подписных сумм, единовременных пожертвований и продажи премий. В этом году, напр., благодаря содействию и помощи одного из докторов, премия „Стрекозы“, далеко не роскошная, была вмиг распродана и дала библиотеке около 70 рублей чистой прибыли. В таком общественном деле, как библиотека, важнее всего отношение и поддержка самого общества, что вполне подтверждается вышеприведенным».

Заключительные же строки – это ещё одна дань высокой признательности за благое дело его исполнителю: «Будем же надеется, что со смертью **основателя и радателя Баргузинской общественной библиотеки А. Н. Зайднера** – святое дело это не погибнет и, раз пустив корни, разовьётся и процветёт. Во всяком случае, это горячее заветное желание всех людей, готовых положить свои силы для поддержания просвещения как общества, так и народа»<sup>31</sup>.



Брошюра. Отчёт Баргузинской общественной библиотеки за 1895 г.

Из содержания этой статьи следует, что Баргузинская общественная библиотека была основана в 1889 г. Упоминание о том, что при этом всё собранное Зайднером «в основание Баргузинской библиотеки – около 900 томов разных названий» было «передано общему собранию библиотеки через Я. Д. Фризера», а не самим Зайднером, приводит к мысли об отсутствии самого основателя на официальном торжестве. В статье содержится и причина – «за болезнью и недостатком сил»... Зайднер вскоре умер (в 1891 или 1892 г.), как отмечалось выше, от туберкулёза... Но свой предсмертный гражданский подвиг он успел завершить – Баргузинская общественная библиотека открылась и заработала...

И ещё об одной тайне Зайднера... Не могло быть так, чтобы его поэтическая душа не искала и не нашла здесь понимание и отклик в чём-то женском сердце... Однако, ни в одном из прошлых печатных источников о нем нет и намёка на это. В приведенных же выше

записях Э. В. Деминым рассказов баргузинских старожилов упоминается какая-то женщина посещавшая по ночам одну из двух названных одиночных могил. Но по весьма конкретным и датированным сведениям А. И. Горячих, лично с ней общавшегося, это была могила на месте нынешнего гаража, а не могила Зайднера...

В 2012 г. А. А. Поздняков переписывался по электронной почте с жившей в Израиле уроженкой Баргузина Верой Беркович (Бернштейн), вскоре умершей. В её книге 2007 г. «Воспоминания»<sup>32</sup>, в разделе «Мой Баргузин» приводится немало интересного о прошлой баргузинской жизни и тамошней родне. О себе она, в том числе, пишет: «Родилась я в Баргузине в 1913 году и уехала из него в 9 лет». Есть в книге и некоторые сведения о баргузинских политических ссыльных, одним из которых был её отец, но о А. Н. Зайднере не упоминается. На вопросы же Позднякова о Зайднере она сообщила, что в одной из израильских газет была напечатана на иврите статья бывшего баргузинского политического ссыльного со сведениями о баргузинской жене Зайднера. Названо имя – Виктория Викторовна Левенсон, тоже политическая ссыльная. Беркович также сообщила Позднякову, что Викторию Левенсон хорошо знала по Баргузину ещё одна здешняя ссыльная – Мария Аркадьевна Беневская-Степанок<sup>33</sup> (в Баргузине с 1909 г.), которая прибыла сюда вместе Ревеккой Моисеевной Фиалкой<sup>34</sup>, тоже ссыльной.



Виктория Викторовна Левенсон

Об избраннице Зайднера в книге В. Д. Новицкого «Из воспоминаний жандарма», издания 1991 г., коротко сказано – «жена пот. почет. гражд. Виктория Левенсон, 26 лет», а в примечаниях поясняется: «Левенсон Виктория Викторовна, род. в 1854 г. Арестована в 1880 г. В 1881 г. прибыла на Кару, а в 1884 г. ушла на поселение, после чего вернулась в Европ. Россию»<sup>35</sup>. Эти и некоторые другие сведения о Виктории Левенсон приводятся в библиографических указателях членов «Народной Воли» и других народнических организаций.



Виктория Викторовна Левенсон на каторге

После открытия, без преувеличения, подвижнической библиотечной деятельности А. Н. Зайднера, его бесспорной при этом публичности – пребывания на виду у всего тогдашнего баргузинского общества ещё более неприемлемыми выглядят нижеследующие поползновения нашего времени на его личность, стихи и баргузинскую память о нём. С именем и поэтическим творчеством А. Н. Зайднера окажется связанной редкая по наивности профанация: его стихи будут приписаны Шандору Петефи, как одно из неких «доказательств» пребывания великого венгра в Баргузине. Венгерская журналистка Эдит Кери, по своей, можно сказать, фанатичной приверженности «сибирской легенде Петефи», усилиями некоторых бурятских и венгерских «энтузиастов» превращённой в «баргузинскую», и совершенному незнанию прошлых российских, баргузинских в особенности, реалий, повелась на соблазн приписать стихи россиянина Александра Зайднера венгру Шандору Петефи. Вот как это выглядело.

Вышеприведенные стихотворения Зайднера «Мечты» и «Печальна моя жизнь была» были помещены в последний совместный, дискуссионный по содержанию очерк А. В. Тиваненко и Э. В. Демина (после этого исследовательские подходы и пути авторов принципиально разошлись), в котором отмечалось, что «Мы не беремся утверждать, что их создал именно Петефи»<sup>36</sup>. И Демин был немало удивлен, когда в переведенном очерке Эдит Кери «Когда оживает память» в журнале «Байкал» за 1989 г. прочитал: «Теперь несколько слов о стихотворениях баргузинского Зандера (Шандора), которые А. В. Тиваненко и Э. В. Демин считают написанными великим сыном венгерского народа во время баргузинского заточения». Здесь могло показаться, что имела место неточность перевода с венгерского, но далее следовали такие строки от самого автора: «Можно предполагать, что стихотворение «Мои мечты» написал всё же Петефи, запомнившийся баргузинским жителям под фамилией Зандер (Шандор)»<sup>37</sup>. Затем приведены и некие умозрительные «подтверждения». Но почему-то не замечено то, что должно было сразу придти на ум: Ш. Петефи родился в 1823 г. (погиб в 1849 г.), а вышеприведенные баргузинские стихи Зайднера относятся только к периоду после 1985 г. (стихотворение «Моя душа тоске не поддаётся» опубликовано в 1893 г.) ... Из чего возникает много вопросов...

Здесь очень важно заметить, что в приведенных выше исторических материалах и более современных воспоминаниях очевидцев о баргузинской могиле Зайднера никто не ассоциировал его с кем-то другим, тем более, иностранцем. И ещё: только человек, выросший и воспитанный в русской культурной среде, мог, например, узнать в лицо и пытаться поэтиче-

ски запечатлеть баргузинских близнецов классических персонажей гоголевского «Ревизора». Во всех приведенных стихотворениях Зайднера, и в народном тоже пересказе стихотворений №55 и №56, виден по-русски образованный и мыслящий автор. Относительно же возможностей в этом плане самого Петефи, то очевидно, что даже великий венгерский поэт, оказавшись он в далекой сибирской глуши, со всеми его возможными лингвистическими талантами, всего за несколько лет не в состоянии был овладеть русским литературным языком настолько, чтобы писать грамматически правильные, с богатым набором чисто русских образов и оттенков стихи! А для ссыльного поэта Зайднера, еврея по национальности, русский язык был родным от рождения!

В чём-то можно быть снисходительным и даже простить сегодня венгерскому автору Эдит Кэри, высказывавшейся так почти 30 лет назад, но далеко не всё... Её весьма активное участие в «разработке» наподобие промышленного карьера, исторического кладбища Баргузина в июле 1989 г. даёт повод априори спросить: как бы она отнеслась и согласилась бы участвовать в аналогичном действе на главном кладбище Будапешта?! Зная, как весьма трепетно относятся венгры к своему национальному пиетету, предугадать ответ несложно... Тогда почему это стало для Эдит Кэри (и других венгров – участников баргузинских раскопок) возможным в Баргузине?! Или здесь моральные нормы и ценности были уже иные – не общечеловеческие и за, так сказать, «бусы» для здешних аборигенов можно было и не утруждать себя какой-либо моралью? Этот же вопрос следует адресовать и ко всей современной баргузинской общественности...

Очевидно, что совсем другой спрос с «обоснователя» и центрального участника вспарывания исторического кладбища Баргузина «траншейным методом» А. В. Тиваненко. И не только за это кладбище: тогда же пытались раскопать и могилу Зайднера на местном стадионе, но не с целью уважительного перезахоронения останков, а чтобы как-то приспособить её к фантазиям Тиваненко на тему «баргузинского Петефи»...

В связи с этим напомним здесь один из недавних рецидивов этих далеко небезобидных фантазий, связанных именно с А. Н. Зайднером, документально записанный<sup>38</sup> А. А. Поздняковым. На презентации очередной книги Тиваненко о придуманном им «баргузинском Петефи», имевшей место быть в сентябре 2016 г. в актовом зале здания Администрации Баргузинского района, совмещенной с награждением местных деятелей венгерскими медалями за усердное содействие, Поздняков задал автору вопрос: «Алексей Васильевич, в вашей книге есть стихи «Моя душа...». Эти стихи были опубликованы в «Восточном обозрении» за 1893 г. и еще два стихотворения (...) Зайднер Александр Николаевич, еврей, отправил жене, которая здесь – Левинсон Виктория – отбывала ссылку. Почему Вы и некоторые, особенно в Венгрии (Тиборг), пишут, что эти стихи якобы принадлежали Шандору Петефи?». Тиваненко: «Значит тот человек, о котором вы говорили имел фамилию Зайднер, **Зайднер Александр Николаевич, такова поэта мы, конечно, в России не знаем..., не знаем...**». Поздняков: «Но он издавался...». Тиваненко: «Но вот этого тайного человека Александра Степановича Петровича баргузинцы звали Зандэрэм – это чисто баргузинский говор буква эш...».

Вот ведь как – за всю прошлую и современную Россию отвечает: «**Зайднер Александр Николаевич, такова поэта МЫ, конечно, в России не знаем..., не знаем...**». Без «ложной» скромности, но не от должной ответственности этот замах на отрицание достоверного – намеренный обман, ради подтверждения своих выдумок... Серьёзно воспринимать и как-то комментировать явную несостоятельность этих ответов не имеет смысла. Напомним лишь, что по вышеприведенному образному выражению Е. Д. Петряева в Старом Забайкалье было «всяких Петровичей – легионы»... Подробнее об этих, собирательных по значению, «Петровичах» («Петрованах») – рабочих забайкальского Петровского железодельного завода можно узнать в вышеназванной книге Э. В. Демина «До и после «баргузинской сенсации», её специальным разделе «Свидетели ли Мороковы!!!»<sup>39</sup>.

## Что-то с памятью стало, баргузинской...

Принципиально важно остановиться на расхождении в вышеприведенных сведениях о месте и дате смерти Зайднера. По этому поводу следовало бы прежде всего исходить из некролога, но его целенаправленный поиск в старых изданиях авторами данного изложения, как до того, можно предположить, и самим Е. Д. Петряевым, пока ничего не дал. Хотя значимый намёк на его существование обнаруживается в строке о Зайднере в раритетном теперь лондонском издании 1897 г. «За сто лет (1800—1896). Сборник по истории политических и общественных движений в России в 2 ч.»: **«Некролог, Баргузин, † Зайднер, 79»**<sup>39а</sup>.

Обобщая же вышеприведенные сведения, важно напомнить, что **о могиле Зайднера в Баргузине сообщалось в самых ранних печатных источниках**: сборнике 1897 г. «За сто лет (1800—1896)», специальном очерке 1908 г. Г. Осмоловского «Карийцы», специальной заметке 1913 г. «Забытые могилы» очевидца баргузинской могилы Зайднера свящ. Ал. Добромыслова и «Календаре по Забайкалью» на июль 1918 – июнь 1919. К непрямому, но значимому, подтверждению смерти Зайднера в Баргузине можно отнести строки Л. Г. Дейча – «Прибыл в 80 г. в Забайкальскую обл., (...) устроил там публичн. библиотеку, умер там же в 92 г.», если учесть выше рассмотренные, вполне достоверные обстоятельства устройства Зайднером этой библиотеки именно в Баргузине («Восточное обозрение», 1892 г., №39).

Смерть и могилу Зайднера в Баргузине прямо подтверждают также: записи 1927 г. фольклориста А. В. Гуревича от баргузинки Сибирцевой и другие его сведения; записи 1986—1987 гг. краеведа Э. В. Демина баргузинцев – очевидцев могилы Зайднера Г. И. Загрядского, Т.Я. и С. Я. Башкир, а также его переписка с баргузинкой В. Я. Токаревой. Косвенно подтверждают и записи баргузинцев С. В. Говориной, О. В. Васильева и И. Г. Молчанова, помнивших одиночную могилу рядом с кладбищем, которую другие очевидцы уверенно называли могилой Зайднера.

**О смерти Зайднера в Чите упоминалось**: в специальной работе 1906 г. «Мартиролог Нерчинской каторги» И. Жуковского-Жук и общем «Био-библиографическом словаре» 1930 г. «Деятели революционного движения в России», на который ссылается также Е. Д. Петряев в своём «Биобиблиографическом указателе» 1981 г., называя тоже Читу местом смерти Зайднера (уже без ссылки на источник) и в упоминавшихся выше «Биобиблиографических материалах» 1987 г.

Можно предположить, что Чита могла называться местом смерти Зайднера потому, что посещавшие могилы политических ссыльных в Баргузине не находили могилы Зайднера на местном кладбище, а её, как отмечал священник А. Н. Добромыслов, было «нечего и искать на кладбище».

Таким образом, очевидно, что в вопросе о месте смерти и упокоения А. Н. Зайднера следует однозначно полагаться на сведения прошлых и современных очевидцев его могилы в Баргузине. Из них самым ранним, конкретным и значимым является свидетельство Добромыслова, побывавшим на этой могиле в 1893 г., то есть, всего через год после смерти Зайднера, если считать, что он умер в 1892 г., что наиболее достоверно. Высокие авторитет и баргузинскую именно информированность Добромыслова подтверждают не только его духовный сан, но и служение в 1880-х гг. миссионером в Баргузинской долине при Курумканско-Гаргинской церкви, а также то, что он был автором многих других краеведческих заметок и статей, публиковавшихся в иркутских и забайкальских периодических изданиях<sup>40</sup>.

В заключение важно ещё раз напомнить, что представленные выше сведения о баргузинской могиле А. Н. Зайднера и другой отдельной одиночной могиле были опубликованы Э. В. Деминым ещё в 1993 г., но никаких, логично ожидаемых, действий в Баргузине до сих пор не случилось... Останки остаются там, где указали прошлые и более современные очевидцы –

в непотребных теперь для них местах... В этой ущербной для памяти о прошлом ситуации напрашивается очень горькое сравнение: из-за одной, изначально однозначно придуманной могилы незаконно перекопали всё своё историческое кладбище, а произвести явно необходимое и вполне правомерное перезахоронение останков из двух отдельных одиночных могил, в том числе деятеля, имеющего немалые заслуги перед Баргузином, не пожелали...

Не в ладах сегодня в Баргузине с исторической памятью и не только... Дело не в одной только могиле А. Н. Зайднера, оказавшейся теперь под ногами местных спортсменов на баргузинском стадионе, или останках женщины, замурованных в пол здешнего гаража... Хотя уже это должно очень беспокоить нормальные человеческие чувства и понятия...

Очевидным горьким упрёком баргузинской власти и культурной общественности разных лет является полная утрата селитьбы декабристов братьев В.К. и М. К. Кюхельбекеров, состоявшей из четырёх домов, в том числе трёх ими построенных (о чём в следующем очерке) ... А позволить и даже помочь осквернить в 1989 г. варварским «траншейным» перекапыванием своё историческое кладбище, спекулируя при этом могилой Михаила Кюхельбекера, выдавая за неё чужую могилу в другом месте кладбища (об этом в последнем очерке), – это уже апофеоз беспамятного состояния тех, чьи предки здесь упокоились... Чем-либо оправдывать сегодня это кощунство или его замалчивать – значит продолжить этот путь в морально-нравственное никуда...

## **Утраченная селитьба декабристов В.К. и М. К. Кюхельбекеров**

*Долгие годы каторги и поднадзорной жизни на поселении не отбили у декабристов горячего стремления приносить пользу Родине. В местах своего пребывания, в очень трудных условиях, эти люди развернули многостороннюю работу. И здесь они оказались «выдающимися деятелями», внесли огромный вклад в дело экономического и культурного развития далёких окраин России*

**Е. Д. Петряев**<sup>1</sup>

## Живёт и будет жить память...

Весьма знаменательная дата – 195-летия восстания декабристов отмечалась в 2020 г. году.

Авторы всегда с добрыми чувствами вспоминают о том, что именно через декабристские темы состоялось в начале 1980-х гг. их постоянное приобщение к краеведческим разысканиям. И сегодня тоже неизменным остаётся их искреннее восхищение личностью и делами декабриста Николая Александровича Бестужева (13.4.1791, СПб.– 15.5.1855, Селенгинск), поселенного в Селенгинске и умершего там – в 2020 г. исполнилось 165 лет со дня его кончины. Именно ему, его селенгинской жизни – благой и полезной деятельности, его потомкам и близким людям были посвящены первые и последующие декабристские краеведческие публикации Э. В. Демина<sup>2</sup>.

В наше время, в новых уже общественно-политических условиях, к сожалению, нечастыми, по сравнению с советским периодом, стали печатные работы о декабристах, в том числе об их пребываниях в Сибири, составивших, как известно, значимые периоды истории тех мест, где они жили на поселении. Хотя, несмотря на то, что очень много было разыскано, сказано и написано о декабристах в дореволюционное и, особенно, советское время, когда декабристская тема находилась в основании официальной идеологии и считалась одной из самых приоритетных, тема эта далеко не исчерпана. Представление о печатном наследии по декабристам, в том числе о их сибирских пребываниях, можно составить по прошлым и современным специальным библиографическим указателям<sup>3</sup>.

Но и сегодня тоже наследие декабристов и сама память о них в местах их сибирских проживаний, освобожденные от излишней идеологической нагрузки, продолжают оставаться интересными и сохраняемыми как неотъемлемая часть местного историко-культурного наследия. Добрая память о ссыльных декабристах в местах их поселений, а в некоторых случаях и упокоения, продолжает сохраняться прежде всего благодаря их высоким человеческим качествам и полезным делам. – Их разного рода значимой практической помощи местному населению, проводившимся ими в местах поселений естественнонаучным и другим исследованиям, дружеским, нередко и родственным, отношениям с местными жителями. А в общем мудрая народная память восприняла, чтит и хранит главное о декабристах – *они хотели, чтобы не было бедных и сырых...*

Одним из краеведческих декабристских вопросов, к которому сегодня есть основание обратиться, видится недостаточно в общем раскрытая тема селитьбы – сибирского проживания декабристов, в том числе и особенно, на территории современной Бурятии. Эта весьма обширная и интересная тема давно привлекала внимание исследователей, но чаще попутно с другими декабристскими разысканиями и значительно реже при отдельном её рассмотрении. Так получилось, что сегодня можно говорить только об общем, лишь с некоторыми более или менее подробными фрагментами, охвате этой темы, очевидной недостаточности конкретных сведений о сибирских домах декабристов, в том числе, их изображений, и нередкой путанице в принадлежности этих домов.

Названное в той или иной степени относится, например, к статьям 1977 г. А. Г. Букштыновича и Л. А. Сокольского «Изучение и охрана памятников, связанных с жизнью и деятельностью декабристов»<sup>4</sup> и 1986 г. – Л. И. Бобовой «Об изучении архитектурного наследия декабристов»<sup>5</sup>. В статье Л. И. Бобовой интересно выделение трёх типов поселенческих жилищ декабристов: при наличии у декабристов достатка и средств – удобных по планировке и привлекательных внешним видом домах «с классицистическим построением композиции»; куплен-

ных декабристами у сибирских жителей, перестроенных и улучшенных ими домах; постройках самих декабристов, иногда не характерного для сибирских условий вида.

Названные публикации не содержат значимых конкретных сведений о домах, в которых жили декабристы в сибирской ссылке, в том числе, ими самими построенных, хотя такие сведения с изображениями домов в отношении, например, братьев М.А. и Н. А. Бестужевых в Селенгинске и братьев В.К. и М. К. Кюхельбекеров в Баргузине до того были известны. Про обширную селитьбу – сразу нескольких баргузинских домах, связанных с именами декабристов, братьев Кюхельбекеров, вообще не упоминается. В известных же публикациях, содержащих разной полноты и достоверности сведения об её домах с их изображениями, нередко указывается разноречивая их принадлежность.

В 1985-1993-х гг. разысканиями по домам декабристов братьев В.К. и М. К. Кюхельбекеров (и могиле Михаила Кюхельбекера, о чём далее) в Баргузине занимался Э. В. Демин, результатом их были очерки<sup>6</sup>. В настоящее же время есть возможность представить эти интересную и значащую тему более полно, обращая внимание на три вида баргузинских домов, имевших отношение к декабристам братьям Кюхельбекерам. Это дома, в которых братья были поселены по прибытию в Баргузин; дома, которые они построили сами и дома баргузинцев, с которыми братья породнились. Обо всём этом подробно далее.

## Дом Токаревых – первый приют Михаила Кюхельбекера

Первоначальное, довольно продолжительное проживание ссыльного декабриста Михаила Кюхельбекера в доме мещанина Токарева было совершенно особым периодом в его довольно долгой, до самой кончины, здешней жизни. Но при всей в общем немалой изученности баргузинской ссылки декабристов братьев В.К. и М. К. Кюхельбекеров, сам дом Токаревых, как и значение периода жизни в нём Михаила Кюхельбекера ещё ждут большего внимания исследователей. После этого дома декабрист будет продолжительно жить в построенных уже им самим «избе с разными службами» и «большом новом доме» с мезонином (о чём далее), но эта уже будет во многом другая жизнь, с другими заботами, радостями и горестями... Первый же баргузинский приют Михаила Карловича – дом Токаревых был для него после длительного казематского заточения совершенно особенным местом проживания. Именно в нём началась его относительно свободная гражданская жизнь, родились надежды на лучшее будущее, пришли любовь и первое отцовство...

Так случилось, что именно в этот период начались и события, искалечившие семейную жизнь декабриста Михаила Кюхельбекера и его здешней жены Анны Степановны Токаревой. Этот весьма значимый в жизни декабриста вопрос не часто обсуждался исследователями, поэтому обозначим здесь несколько его основных обстоятельств и укажем, где можно узнать подробнее.

Вот как выглядела эта горестная для супругов ситуация в изложении брата декабриста – Вильгельма Карловича, 28 июня 1836 г. обратившегося к шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу в защиту их брака:

«По прибытию в Баргузин, брат мой помещен был в доме теперешней его тётки; та которая впоследствии сделалась его женой, была в отсутствии (...) по возвращении её домой оказалось, что она беременна. Когда она разрешилась от бремени мать хотела прогнать её от себя. В этом прискорбном положении она обратилась к брату моему с просьбой взять на себя попечение о её ребёнке. Он изъявил на то свою готовность, тем более, что был в то время совершенно... в восхищении её сыном, велев окрестить ребёнка он примирил с матерью несчастную дочь (...) участие сблизило их. Произошла связь последствием которой была вторичная беременность молодой девушки (...) он испросил у своего Высокого начальства изволения жениться на матери своего ребёнка, получил его и обвенчан с коею без малейшего препятствия со стороны духовенства, с одним условием: воспитывать детей в греко-российской вере [сам М. К. Кюхельбекер был лютеранином<sup>7</sup> – Э.Д.]<sup>8</sup>.

По этому же поводу переживали за Михаила Карловича и другие декабристы, в том числе активно переписывавшийся с ним И. Д. Якушкин. Вот его взгляд со стороны на эту очень деликатную и чувствительную историю:

«В Баргузине он не нашел для себя никакого общества и, не имея никаких внешних побуждений к умственной деятельности, принялся трудиться для собственного пропитания. В первые годы он собственными руками расчистил и распахал несколько десятин и засеял их хлебом, но такая деятельность не спасла его от искушений. Сблизившись с одной баргузинской мещанкой, он сперва крестил у неё ребёнка, а потом на ней женился. Крестник его умер, но не был вписан в метрику, из чего по доносу дьячка возникло дело, доходившее до Синода. Синод признал брак незаконным, и Кюхельбекера, разлучив его с семейством, перевели в Еланскую волость, верст за 500 от Баргузина. Тут Кюхельбекер написал отчаянное письмо сестре своей, жалуясь на жестокость, с какой поступили с ним, разлучив его с женой и малолетней дочерью. Вследствие этого письма его возвратили в Баргузин, но обязали не сожительствовать

с незаконной своей супругой. Всё это вместе поставило Кюхельбекера в столь затруднительное положение, при котором нетрудно было потеряться"<sup>9</sup>

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.